

Лауреаты
Международного
конкурса
имени Сергея
Михалкова

Татьяна Корниенко

Espressivo

Лауреаты Международного
конкурса имени Сергея Михалкова

Татьяна Корниенко

Espressivo

Издательство «Детская литература»

2021

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Корниенко Т. Г.

Espressivo / Т. Г. Корниенко — Издательство «Детская литература», 2021 — (Лауреаты Международного конкурса имени Сергея Михалкова)

ISBN 978-5-08-006324-4

Даша Заяц в семь лет впервые услышала по телевизору симфонический оркестр, и её жизненный путь определился раз и навсегда. Проснувшийся в девочке музыкальный дар приводит её в музыкальную школу, к лучшему педагогу. Ирина Вениаминовна не только будет учить Дашу игре на фортепьяно – она станет для неё нравственным авторитетом, образцом творческого и человеческого поведения. Впереди у Даши десять лет непрерывного самоотверженного труда – и десять лет абсолютного счастья: все придирки учителей, все козни подруг, зависть, ревность отскакивают от неё, не замутив душу, не исковеркав её обидой или мстостью. Это повесть о том, каким светлым, чистым, окрылённым бывает человек, нашедший своё призвание. Для среднего и старшего школьного возраста.

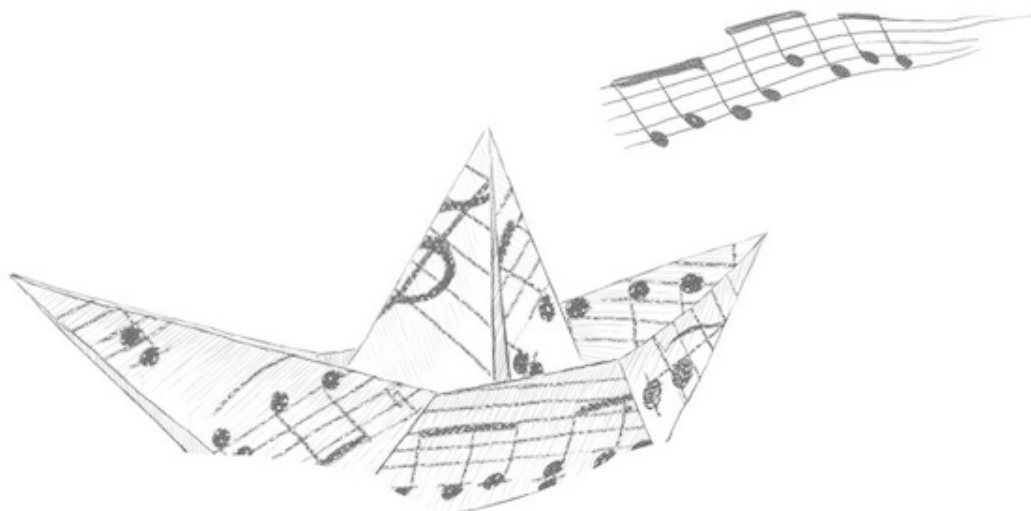
УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-08-006324-4

© Корниенко Т. Г., 2021
© Издательство «Детская литература», 2021

Содержание

О Конкурсе	7
От автора	9
Часть первая. Крылатый	10
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Татьяна Геннадиевна Корниенко

Espressivo

*Памяти музыканта, педагога 1-й музыкальной школы г.
Севастополя Марины Константиновны Чорба*

- © Корниенко Т. Г., 2021
- © Рыбаков А., оформление серии, 2011
- © Спиренкова Н. И., иллюстрации, 2021
- © Макет. АО «Издательство «Детская литература», 2021

О Конкурсе

Первый Конкурс Сергея Михалкова на лучшее художественное произведение для подростков был объявлен в ноябре 2007 года по инициативе Российского Фонда Культуры и Совета по детской книге России. Тогда Конкурс задумывался как разовый проект, как подарок, приуроченный к 95-летию Сергея Михалкова и 40-летию возглавляемой им Российской национальной секции в Международном совете по детской книге. В качестве девиза была выбрана фраза классика: «Просто поговорим о жизни. Я расскажу тебе, что это такое». Сам Михалков стал почётным председателем жюри Конкурса, а возглавила работу жюри известная детская писательница Ирина Токмакова.

В августе 2009 года С. В. Михалков ушёл из жизни. В память о нём было решено проводить конкурсы регулярно, что происходит до настоящего времени. Каждые два года жюри рассматривает от 300 до 600 рукописей. В 2009 году, на втором Конкурсе, был выбран и постоянный девиз. Им стало выражение Сергея Михалкова: «Сегодня – дети, завтра – народ».

В 2020 году подведены итоги уже седьмого Конкурса.

Отправить свою рукопись на Конкурс может любой совершеннолетний автор, пишущий для подростков на русском языке. Судят присланные произведения два состава жюри: взрослое и детское, состоящее из 12 подростков в возрасте от 12 до 16 лет. Лауреатами становятся 13 авторов лучших работ. Три лауреата Конкурса получают денежную премию.

Эти рукописи можно смело назвать показателем современного литературного процесса в его подростковом «секторе». Их отличает актуальность и острота тем (отношения в семье, поиск своего места в жизни, проблемы школы и улицы, человечность и равнодушие взрослых и детей и многие другие), жизнеутверждающие развязки, поддержание традиционных культурных и семейных ценностей. Центральной проблемой многих произведений является нравственный облик современного подростка.

С 2014 года издательство «Детская литература» начало выпуск серии книг «Лауреаты Международного конкурса имени Сергея Михалкова». В ней публикуются произведения, вошедшие в шорт-листы конкурсов. К началу 2020 года в серии уже издано более 50 книг. Вышли в свет повести, романы и стихи лауреатов шестого Конкурса. Планируется издать в лауреатской серии книги-победители всех конкурсов. Эти произведения помогут читателям-подросткам открыть для себя новых современных талантливых авторов.

Книги серии нашли живой читательский отклик. Ими интересуются как подростки, так и родители, библиотекари. В 2015 году издательство «Детская литература» стало победителем ежегодного конкурса ассоциации книгоиздателей «Лучшие книги года 2014» в номинации «Лучшая книга для детей и юношества» именно за эту серию.

От автора

Мне очень хочется, чтобы Вы, читатель, открыли для себя то, что когда-то открылось мне: наш мир очень разнообразен. В нём есть всё для всех!

И герои моей книги тоже живут в этом мире. Может быть, кому-то они покажутся несовременными. Или странными. Но я знакома с этими героями! И если ситуации, в которые я их поместила, – плод моего воображения, то характеры, привычки, образ жизни, стремления, мечты – они к вымыслу не имеют никакого отношения.

Да, о названии... Именно этим словом композиторы помечают в нотном тексте те места, где музыкант должен выложиться, отдать всё, на что способен, заставить слушателя замереть или схватиться за сердце... Одним словом, ESPRESSIVO...

Часть первая. Крылатый

Девчонка стояла в дверях, вцепившись в мамину руку. Раскрашенные зелёной колёнки, тощее тельце, рыжие косички... Она уже готова была бежать, но любопытство удерживало её в комнате.

– Из какого мультика вы взяли эту девочку? – спросила я не менее напряжённую маму и выдвинула стул, убрав с него ноты и сумку. – Садитесь, пожалуйста. Я слушаю.

– Да вот мы, то есть я... подумала, – женщина замаялась.

– Прежде всего, давайте познакомимся. Меня зовут Дарья Несторовна.

– Ольга Петровна. А дочка – Леночка.

Женщина немного расслабилась.

– Вы хотите, чтобы Леночка училась играть на фортепьяно?

– Ну-у, не знаю... Может, и на фортепьяно. Мы пришли посоветоваться, а у вас там такая приветливая дежурная. Говорит, зайдите к Дарье Несторовне, в седьмой кабинет. Вот мы, собственно, и...

Ольга Петровна оглянулась на дочку, тут же на всякий случай отступившую за спину матери.

– Лена, а Лена! – позвала я девочку. – Как ты думаешь, я на серого волка похожа?

Она пару раз ковырнула ногтем спинку стула и ответила несколько задиристо:

– Нет!

– Тогда скажи, сколько тебе лет?

Над маминой головой взлетела довольно грязная враслопырку ладошка.

– Пять, что ли?

– Только недавно исполнилось, – уточнила мать и попробовала вытянуть чадю из-за спины.

– Мамочка, да не трогайте вы эту девочку, – сказала я делано безразличным голосом, – она теперь всё время будет за стулом жить.

– А вот и нет! – купилась Ленка и выскочила из своего убежища.

Глаза матери потеплели.

– Егоза!.. – Она вздохнула. – Может, зря мы ваше время отнимаем... Это я подумала, что её нужно в музыкальную школу показать. Понимаете, она петь очень любит. – В голосе Ольги Петровны послышались непонятные мне извиняющиеся нотки.

– Так это очень хорошо!

– Нет, вы послушайте, – перебила она меня. – Вчера я пришла в садик Леночку забрать, а воспитательница говорит, что она в туалете сидит. Когда из группы вышли, я спрашиваю: «У

тебя что, живот болел?» А Ленка мне сообщает, что теперь будет всё время до самой школы в туалете сидеть. Представляете!

– То есть как – в туалете? Зачем?

– Оказывается, ей захотелось петь. А Леночка у нас упрямая, если уж решила, своего, как правило, добивается. Конечно, кому понравится голосащий на всю группу ребёнок?! Вот петь её в туалет и отправили.

– Там громче получается! – встряла «певица».

– Лена, не перебивай! – одёрнула её мать. – В общем, оказалось, что она уже не один день в туалете концерты устраивает.

– Я там всегда пою, – уточнила Леночка.

– А мне споёшь? – спросила я, порядком обескураженная: про «туалетных» певиц мне ещё слышать не приходилось.

– Нет! – последовал мгновенный ответ, и девчонка на всякий случай снова пододвинулась поближе к матери.

– Почему? – поинтересовалась я, прикидывая, как бы малышку прослушать.

– Я тебя не знаю.

– Так и я тебя не знаю. Делать-то что? А давай мы поступим так... – Я чуть потянула Леночку за юбку. – Я тебе вот на этом красивом инструменте сыграю весёлую песенку, которую ты, скорее всего, не знаешь. А ты мне в обмен споёшь свою. Идёт?

Леночка подумала и кивнула.

Запела она чистенько, старательно дотягиваясь до самых высоких ноток. Страх оставил её на первой же фразе. Щёки зарумянились, пальцы перестали теревить край юбочки. К старательности добавилась особая выразительность, какой бывает отмечен любой музыкальный ребёнок.

Я смотрела на свою будущую ученицу, потихоньку влюбляясь, как влюблялась в каждую из двенадцати учениц, составляющих сейчас мой класс. Представляла, как слушает она себя в гулком туалете... А перед глазами всё явственней проявлялось родное доброе лицо моей любимой учительницы Ирины Вениаминовны.

«Наша?» – коснулась я её самым краешком сознания.

«Наша!»

...Играла вечером долго, самое любимое, пока позволяло время, когда-то очень давно отвоёванное у оказавшихся в конечном итоге терпеливыми соседей.

Расшевелила эта «туалетная» певица память! Вновь кольнуло укоризной невыполненное обещание, данное самой себе: записать, сохранить на бумаге образ Ирины Вениаминовны, посягнувшей много лет назад на уют моего детства. Боясь передумать – сколько уже раз бывало! – поспешно достала бумагу, вытряхнула на диван содержимое сумки, в куче необходимых и давно ненужных вещей нашла шариковую ручку, села под настольной лампой и написала: «Она...»

Стоп, а почему «она»? Она – это я, маленькая, смешная и, наверное, жалкая я! С такими же, как у сегодняшней девчонки, светлыми косицами. И коленки вроде бы тоже были зелёные? Откуда же это желание писать от третьего лица? А впрочем, какая разница? Пусть – «она»...

* * *

Она сидела на корточках посреди площадки, коленями, плечами, подбородком прикрывая свою волшебную палочку. Пацаны и девчонки прыгали рядом, громко выкрикивая:

– Дашка ду-роч-ка! С пере-у-лоч-ка! Дашка ду-роч-ка! С пере-у-лоч-ка!

Вообще-то можно было попытаться вскочить и убежать, но домой ещё не хотелось, а потом, они могли выхватить палочку. Поэтому Даша сидела сжавшись в комок и ждала, чем всё это закончится.

– Бедный ребёнок! – зашептались на скамейке бабушки. (С одними она любила поговорить, других избегала.) – Настасье совсем не до младшей. Нестору опять операцию назначили.

– Горе – оно горе и есть. А Дашка-то большая уже, осенью в школу.

– Да в какую её школу? Вон, нашла палку, ходит и машет. С год машет.

– Не меньше. А вчера, слушайте, смотрю, в кустах стоит. Будто думает. Улыбается. Или прислушивается к чему. Я и чайку попила, и простирнула кое-что, а она где была, там и стоит. И впрямь, видать, дурочка.

Соседки понимающе покивали, повздыхали.

– Её бы врачам показать, может, не поздно ещё.

– Ишь, подсказчица! А денег матери ты, что ли, дашь? Хорошие врачи теперь за так работать не желают.

– Девка и не одета толком. Одни обноски...

– Авдотья, а Нестору-то не лучше? Что врачи говорят? Ты с ними дверь в дверь.

– Да не знают они ничего.

– А что ей вообще, науке этой, известно?

– Помните, какой поначалу-то был? Представительный. В эмчезе работал. И дом полон, и девки старшие – умницы. А потом, после аварии этой окаянной, ну, когда химия повзрывалась, как сглазили Нестора. Дашку, правда, родить ещё успели.

– Авдотья, как у него болезнь зовётся?

– Заковыристое что-то. Настасья говорила, да разве запомнишь. Научное название! – Авдотья порылась в памяти. – В общем, со всем организмом непорядок. Операция за операцией, а толку? И не мужик, и не отец.

Даша, не пропустившая ни одного слова, хотела им крикнуть, что папа – отец, вскочила, но карауливший её мальчишка тут же схватился за волшебную палочку. Дерево затрещало. Даша в ужасе разжала пальцы и пнула обидчика ногой.

– Отдай!

Пацан уклонился, засмеялся беззубо и отскочил подальше от бешеной девчонки, прямо в объятия дяди Лёши, сына бабушки Авдотьи. Дядя Лёша ухватил мальчишку за руку.

– Так, Денис! Зачем Дашку обижаешь? Быстренько отдал ей палку!

Пацан попытался вырваться, но держали его крепко. Прикинув, что в присутствии дяди Лёши ей ничто не угрожает, но, едва он уйдет, всё вернётся на круги своя – последнее время облавы на дурочку Дашку стали любимым дворовым развлечением, – девчонка выхватила палочку и бросилась бежать, поскорее и подальше ото всех своих обидчиков.

Обогнув один дом, миновав второй и пробежав ещё чуть-чуть, остановилась около старенькой трёхэтажки, полагая, что здесь её никто искать не станет. Над домом возвышалась огромная шелковица, к стволу которой привалилась дощатая крашенная скамейка. Даша присела. Прежде всего стоило убедиться, цела ли палочка. Она поднесла её к глазам, повертела, осторожно пробуя на изгиб, прислушалась. Затем удовлетворённо улыбнулась: цела!

Палочка была взаправду волшебной. Только почему-то этого никто не замечал. Даже мама. И сёстры тоже.

Сначала на палочку в семье внимания не обращали. Но когда увидели, что Даша не расстаётся с ней даже во время сна, попытались отобрать. Вернее, отобрали. И спрятали. Предчувствуя сопротивление, выбросить странную игрушку мать побоялась. Даша проплакала ночь, утро и половину дня. К обеду у неё заболела и начала кружиться голова. Испуганная Настасья не стала испытывать судьбу, палочку отдала, не поверив, правда, что она волшебная.

– Зачем она тебе, Дашуня? – спросила и, не дождавшись ответа, ушла на кухню.

Даша вскочила с постели, куда её уложили, хотела побежать за мамой и рассказать про палочку, но сестра Вика водворила её обратно.

А ей так хотелось рассказать! И как они с Аней и Викой пошли к Аниной подружке домой и там смотрели телевизор! И как ей было интересно, потому что своего телевизора у них не было. Вернее, он был, но сломался, когда Даша была ещё совсем маленькой, и теперь стоял на веранде. Но его не чинили из-за нехватки денег и ещё потому, что папе требовалась тишина.

В гостях девочки сначала смотрели какое-то кино, а потом пошли на кухню, совершенно забыв про сестру. Она, сидя на диване, несколько минут глядела на тётю, произносившую очень скучные непонятные слова, потом подошла к телевизору и нажала на кнопку примерно там, где это делала Анина подружка. Экран мигнул, тётя пропала, и Даша увидела... волшебника.

В том, что дяденька в чёрном, немного смешном пиджаке с хвостиком был волшебником, она не сомневалась ни минуты. Потому что в руке у него была настоящая волшебная палочка! А чем же ещё она могла оказаться, если при её взмахах в телевизоре получалась очень странная и до невозможности красивая музыка!

Сначала Даша замерла, боясь испугнуть волшебника. Песни она конечно же слышала и многие знала наизусть. Но это, в телевизоре, было совсем другое. Оно проникало внутрь, и в Даше что-то начинало отзываться на новые звуки помимо её воли. Волшебник взмахнул посильнее, музыка заискрилась, засмеялась, и Даша засмеялась тоже. Она подняла руку, полагая, что волшебник не обидится, если она немного поучится у него волшебству. Музыка послушно пошла за Дашиными движениями.

Она училась на волшебницу ещё минуты четыре, пока в комнату не заглянула Вика:
– Дашуха, ты что притихла? Идём бутерброды трескать. С колбасой!

Даша хотела остановить сестру, испугавшись, что музыка собьётся, исчезнет. Но Вика решительно направилась к телевизору.

– Что за чушь ты слушаешь? Классика – это отстой для старичков и старушек!
И экран погас.

Тем же вечером Даша нашла СВОЮ волшебную палочку. Сначала она, правда, засомневалась, что палочка волшебная. И действительно, разве можно предположить, что в обычных дворовых кустах просто так валяются такие невероятные ценности? Но когда взяла её в руку так, как это делал дяденька в телевизоре, взмахнула и прислушалась, сомнения отпали. Дашу обступили звуки. Музыка оказалась попроще той, что из телевизора, но ведь и Даша была начинающей волшебницей.

С этого момента её жизнь переменилась. Звучало всё: цветы в траве, сама трава, люди, машины, небо... Даже песочница, лестница в подъезде пели свои песни. Но, похоже, кроме неё, Даши, этого пока никто не слышал. Теперь она пряталась от чужих глаз, слушала живущую в ней музыку и мечтала, что когда-нибудь появится ещё один, а может, тот же самый волшебник и научит Дашу сделать так, чтобы эту музыку смогли услышать все.

Даша сидела на скамейке под шелковицей и забавлялась с весенним солнышком, пропуская его лучи через прищуренные ресницы.

Весна входила в силу, но солнце ещё не пекло. Листочки на шелковице не успели расправиться, выбравшись из почек, скорее всего, только прошлой ночью. Около небольшой дырочки в земле копошились муравьи – наверное, целая сотня. Или две. Даша отодвинула подальше ногу, чтобы ненароком не раздавить забывших всякую осторожность букашек.

Где-то сзади хлопнула форточка, и через пару минут оттуда потянулось что-то скрипучее и неповоротливо завертелось вокруг еле прослеживаемой красивой мелодии. Звуки очень старались попасть туда, где они и должны были бы находиться. Наконец мелодия выстроилась и неуверенно двинулась куда-то, но, не добравшись, оборвалась.

– Нет! Не так! Неправильно! – возмущённо крикнула Даша и, когда из форточки послышался тот же скрип, вскочила, взлетела на крыльцо, дёрнула высокую коричневую с фигурной ручкой дверь и проскользнула внутрь.

Мрак лишил её зрения. Она испугалась, зажмурилась и, ничего не видя, по инерции сделала несколько шагов. Остановилась. Обрывки мелодий, красивых и неправильных, стремительные звуковые ручейки, стуки и скрипы наполняли этот дом. Это было так странно, так... волшебно. И пахло в доме тоже странно – смолой и ещё чем-то незнакомым. Через несколько минут Даша поняла, что глаза её закрыты, она приоткрыла их ровно настолько, чтобы сквозь ресницы осмотреться, вспомнила про волшебную палочку. Может, это она привела её сюда?

Перед Дашей лежал широкий полутёмный коридор со множеством обитых чем-то мягким дверей. Они были закрыты, но именно оттуда, игнорируя мягкую обивку, пробивались звуки. Слева, в тесной нише над большой толстой книгой, дремала бабушка с высокой белой причёской и очками на самом кончике носа. Бабушка была совершенно нестрашной. Одной рукой она подпирала голову, а во второй чудом удерживала готовый в любую минуту выпасть карандаш.

Даша решила сделать ещё пару шагов вглубь коридора, но потом передумала. А вдруг её накажут? Или не отпустят домой? Надуманная перспектива так напугала, что она развернулась, приготовясь бежать. Но в этот момент одна из дверей распахнулась, и оттуда вышла девочка чуть постарше Даши. Она держала длинную, похожую на чёрную грушу сумку. За девочкой показалась молодая тётенька. То, что тётенька чем-то очень довольна, было заметно сразу. Она потрепала девочку по плечу и сказала непонятные слова:

– Светик, этюд сдвинулся, кантиленка неплохая, а вот в гаммах ты, как обычно, навалила. Жду в своё время в пятницу.

Тётя исчезла за закрывшейся дверью, и Света прошествовала мимо, волоча непонятную огромную сумку. Поравнявшись с Дашей, девочка бросила:

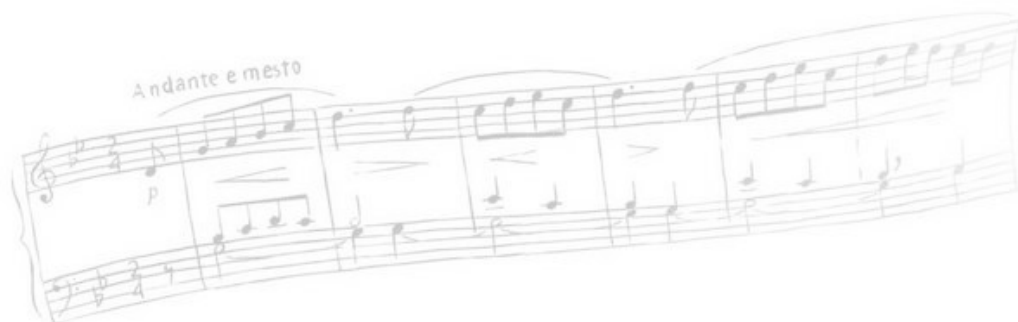
– Привет! – Затем: – До свидания, Варвара Сергеевна! – так и не проснувшейся бабушке и вышла на улицу.

Даша сделала выводы и приободрилась. Если этой Свете можно ходить по коридору, то можно и ей, Даше. Она пошла на цыпочках, останавливаясь у каждой двери, прижимаясь ухом к мягкой обивке с блестящими, как звёздочки, кнопочками, и слушала...

Коридор закончился самой широкой и самой красивой дверью. Даша хотела послушать и её, но дверь неожиданно подалась вперёд, распахнулась, и девочка ввалилась в огромную комнату. Сразу же перехватило дыхание: такого Даше видеть ещё не приходилось! Комната была заставлена рядами мягких одинаково серых стульев. Все они смотрели в одну сторону – на возвышение у противоположной стены. С двух сторон его прикрывали красивые синие занавески, такие же, как и на окнах. Между окнами висели совершенно сказочные светильники, но всё это лишь слегка коснулось Дашиного сознания.

То, к чему сразу же прирос её взгляд, стояло посередине возвышения, между занавесками, – огромное, чёрное и гладкое, как смола. Оно опиралось на три фигурные ножки с маленькими колёсиками. Но самым поразительным было поднятое вверх крыло, поддерживаемое тоненькой круглой палочкой. Сердце у Даши заколотилось ещё сильнее, хотя и до этого ей казалось, что оно вот-вот выпрыгнет наружу. Именно такую штуку она видела у Аниной подружки в телевизоре! Перед такой штукой сидела тётя в красивом платье и двигала руками, когда волшебник взмахивал своей палочкой!

С этого момента Даше оставалось либо бежать, либо, следуя законам всех известных ей сказок, идти вперёд. Сообразив, что даже в самых страшных сказках с девочками и мальчиками никогда ничего плохого в итоге не происходит, она глубоко вздохнула, словно ныряльщик перед тем, как погрузиться в воду, и шагнула к возвышению.

Странно работает память! Сколько хорошего да и плохого кануло навсегда. Того, что обычно не забывается. А вот эти дни обретения музыки, кажется, даже и не поблёлки. Краски, запахи, звуки! Сколько мне тогда было? Шесть? Пожалуй, почти семь. А месяц? Шелковица только зацветала... Май. Да, вероятно, май. Теперь в это трудно поверить, но тогда я действительно впервые увидела рояль. Почему остался открытым концертный зал, впоследствии непременно запираемый на ключ? Не будь этой оплошности, что случилось бы со мной?

Конечно, тогда я во многом отличалась от своих сверстниц. Начнём с того, что детский сад, куда так усердно оформляла меня мама, закончился для меня на первой же неделе. После того, как, напуганная мыслью о том, что за мной могут не прийти, если я буду плакать, я замол-

чала. Речь не возвращалась ко мне, несмотря на все уговоры воспитателей и разрывавшейся на части между мной и папой мамы. Меня забрали. Навсегда. Ещё до того, как группа дошла до музыкального зала.

Я ни разу не была в кинотеатре, потому что не было денег, не смотрела телевизор, сломавшийся безвозвратно ещё в младенчестве. В моём музыкальном опыте был лишь дирижёр из случайно подсмотренной у Аниной подруги программы. Волшебник. Поэтому то, к чему я, дрожащая от возбуждения, подходила в концертном зале музыкальной школы, было не просто чудом – доказательством реальности всех сказок, которыми я жила.

* * *

Даша поднялась по ступенькам и подошла к Нему. Он был такой большой! До неба! И совсем не страшный. Но на всякий случай она подняла волшебную палочку и взмахнула ею несколько раз. Потом протянула руку и ладошкой дотронулась до гладкой чёрной поверхности. Подумала и погладила, желая познакомиться.

Он стоял так же спокойно, как и до Дашиного прикосновения, похожий спереди на узкий длинный столик с изогнутой крышкой. Прямо из крышки торчала полочка, нависая над узкими белыми и чёрными дощечками. Белых было больше, зато чёрные располагались выше. Даша догадалась, что именно эти дощечки и есть самое главное. Она собралась с духом, оглянулась, нет ли кого, и, убедившись, что за ней никто не наблюдает, легонько тронула одну из них – белую. И в следующую же секунду отпрыгнула, чуть не свалившись к креслам. Крылатый запел! Песенка была тихой и состояла из одного-единственного звука, но это было так... Так!.. Даше стало жарко. Потом она успокоилась и тут же пришла к выводу, что раз Крылатый делает музыку, то ничего страшного не произойдёт, если она попробует нажать на дощечку ещё разок. На сей раз дощечка была чёрной, чуть в стороне от первой. И звук получился совсем другой, потоньше.

В течение следующих десяти – пятнадцати минут было обнаружено, что на разных краях столика с дощечками живут звуки-рычалки и звуки-пищалки. Что дощечки могут громко кричать или шептать очень тихо, почти неслышно. Просто до них нужно совершенно по-разному дотрагиваться. Если нажимать две соседние дощечки, то песенка получится резкая и не очень красивая. А несоседние поют очень красиво, так красиво, как... Даша посмотрела в окно, пытаясь найти что-нибудь такое же прекрасное, как песенка двух стоящих поодаль друг от друга дощечек, и вдруг вспомнила, где находится. И что с момента, как она убежала из своего двора, прошло много времени, и мама волнуется, и, скорее всего, уже рассердилась. Даша наклонилась над Крылатым так близко, что от её влажного дыхания по полировке побежал туманчик, шепнула: «До свидания! Я к тебе ещё приду. Подожди меня». Затем выбежала из комнаты, пронеслась мимо так и не проснувшейся бабушки и, не замеченная никем, выскользнула на улицу.

Наверное, тогда я была похожа на газировку – чуть тронь, зафонтанирует, взорвётся тысячами весёлых шариков. Моего отсутствия никто не заметил. Маме, как обычно, было не до меня, что, впрочем, удачно совпало с моими намерениями. Я пробродила остаток дня по двору, стараясь избегать как взрослых, так и сверстников. К счастью, меня никто не трогал. Дома, проглотив наскоро какой-то ужин, забралась в своё любимое старое-престарое кресло, которое собирались выкинуть, наверное, с самого моего рождения. Мама, измученная работой, всё же заметила моё состояние и решила, что я заболела. Меня начали тормозить, измерять температуру, перемещать с места на место.

А я слушала. В этот день мой мир обрёл алфавит. Как малыш открывает для себя буквы и слоги, которые потом складывает в слова, так и я открыла высоту звука. И, словно ребёнок, едва научившись читать, читает всё подряд, я забыла о тишине и начала петь, пищать, гудеть и рычать, пока на меня не прикрикнули: папа чувствовал себя в этот день плохо. Я замолчала, предоставив возможность музыке жить внутри меня.

* * *

К утру у неё поднялась температура – небольшая, тридцать семь и четыре. Дашу лихорадило, щеки пошли красными пятнами. Она вздрагивала от малейшего шума, то смеялась, то принималась реветь.

– Ну что же ты вся издергалась? – Настасья взяла дочь на колени и прижалась щекой к потному виску. – Горлышко не болит?

– Нет! Мамочка, я была в волшебной комнате...

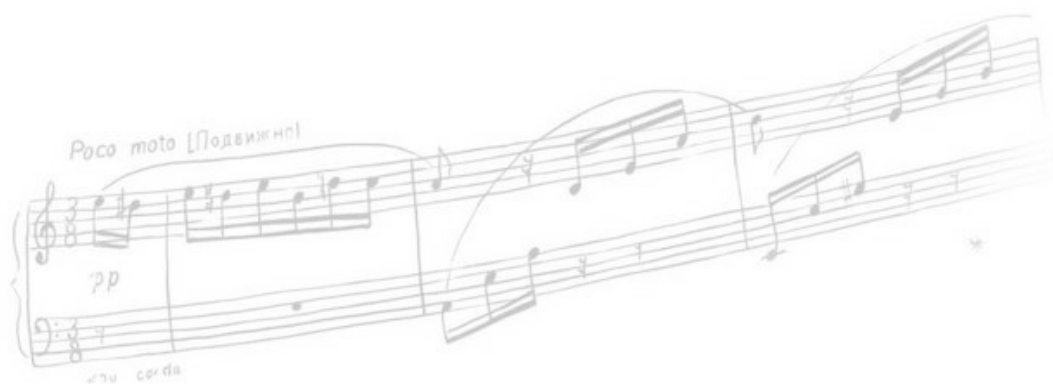
– Хорошо, хорошо... Всё же покажи мне горло.
Даша послушно открыла рот.
– Не красное. Почему температуришь, а?
– Там был такой чёрный, с дощечками, и я...
– С какими дощечками? А голова не болит?
– Ну мам! Ничего не болит. Там, если на дощечку нажать, получается...
– Дашунчик, хватит фантазировать. Ложись-ка лучше в кровать. Полежишь и поправишься.
– Мам! Я хочу в волшебную комнату.
– Вот уснёшь – и будет тебе и волшебная комната, и волшебный принц с принцессой...
Догадавшись наконец, что расскажу мама не поверила и вряд ли вообще обратила на него внимание, Даша забралась в кровать, обиженно отвернулась к стенке и неожиданно быстро уснула.

Обещание, данное Крылатому, ей удалось выполнить только через три дня. Даша снова прошла мимо бабушки Варвары Сергеевны: несколько девочек шли по коридору, и она присоединилась к ним. Но, к её ужасу, комната, в которой стоял Крылатый, оказалась заперта. Сначала Даша совершенно растерялась и несколько раз дёрнула за дверную ручку. Затем вспомнила о волшебной палочке и, зажмурившись, дотронулась ею до замочной скважины. «Откройся же, откройся!» Но то ли волшебная палочка на эту дверь не действовала, то ли по какой другой причине – в комнату попасть так и не удалось.

Даша собралась зареветь, но вдруг сообразила, что в этом доме есть и другие комнаты. И они тоже могут оказаться волшебными. Хотя бы ещё одна. И, как и в прошлый раз, пошла по коридору, прислоняясь ухом к каждой двери.

Скоро ей повезло: за одной из дверей стояла тишина. Даша, собравшись с духом, дёрнула за ручку.

Комната была пуста. Правда, она сильно уступала по красоте и размерам той, где жил Крылатый. В ней не было ни рядов с красивыми креслами, ни синих занавесок и люстры. Но зато в этой комнате, а это было главным, тоже жил Крылатый. Другой. Поменьше. Но такой же чёрный и гладкий, как первый. Столика с дощечками Даша не увидела, растерялась, но, присмотревшись, сообразила, что он прикрыт крышкой. Крышка поднялась легко. Даша приложила на ней волшебную палочку, присела на высокий стульчик, и...

Ни куклы, доставшиеся мне от сестёр, ни возня в песочнице, никакие другие девчачьи игры не захватывали меня до того дня так, как эта звуковая мозаика. Каждый звук я считала

живым существом со своим характером, своими повадками. Звуки имели пристрастия и антипатии. Они дружили и враждовали. С друзьями они пели либо весело, либо грустно, но всегда красиво. С недругами не соглашались, спорили. В обоих случаях мне всё про них становилось понятно, стоило им зазвучать вместе.

Много позже я узнала, что большинство людей окружающий мир воспринимают глазами. Для них, зрителей, главными являются цвета и формы. Но бывают и другие люди – слушатели. К ним относилась и я. И теперь мир начал раскрываться для меня во всей своей полноте.

Я настолько увлеклась, что, когда кто-то мягко дотронулся до моего плеча, вся ещё в игре, отсутствующими глазами скользнула по лицу непонятно откуда возникшей тётеньки и продолжила нажимать на клавиши.

* * *

Перед Дашей стояла невысокая полноватая женщина вряд ли намного старше Дашиной мамы. И её желтовато-коричневые глаза были такими же добрыми и неопасными, как у мамы. Волосы, совсем коротенькие, красиво опускались на лоб и щёки. А ещё на тёте была ярко-красная вязаная кофта с большущими пуговицами, которые очень понравились Даше. На пуговицы она и уставилась, быстро возвращаясь из игры в реальность.

– Заинька, ты откуда? – спросила тётя.

Её голос не сулил никаких неприятностей. Поэтому Даша, поначалу собиравшаяся бежать, передумала. Тётя вполне могла оказаться волшебницей. Отгадала же она её фамилию! А от волшебницы, во-первых, не бежишь, а во-вторых, иметь знакомую волшебницу не помешает. Но на всякий случай Даша слезла со стула и пододвинулась к двери.

– Из дома.

– Из какого дома?

– Из своего.

– Понятно. Ты с кем пришла? С сестрёнкой? С мамой?

– Нет.

– Одна? А зачем? Что ты здесь делаешь одна?

– Играюсь, – призналась Даша и посмотрела на тётю.

Брови её поползли вверх. Она улыбнулась и опустилась на стул, который стоял рядом с Крылатым.

– Играешься? А как тебя зовут?

– Даша.

– И как же ты игралась, Даша? Меня научишь?

– Научу. – Она подошла к тетё, взяла её за палец и потянула его к дощечкам. – Вот одна песенка, – ткнула послушным пальцем в белую дощечку. – Понятно?

– Вполне. А дальше?

– У этой песенки есть две подружки. Одна чёрненькая. Она рядом живёт. А другая живёт далеко. И она белая. Только с чёрной она ссорится, а с белой – никогда.

Тётенька засмеялась, как показалось Даше, совсем не обидно, а даже, наоборот, радостно и весело.

– Интересно ты придумала. Про подружек. И очень верно. А хочешь, я тебе скажу, как этих подружек зовут?

– Как? – Даша подалась вперед.

– Их зовут ноты. Первую песенку, то есть ноту, зовут «ре». Запомнишь?

Даша засмеялась и повторила:

– «Ре-е». Как смешно. «Ре»!

– А вторую, чёрную ноту – ещё смешнее – «ре-диез».

– «Диез»?

– Да. А вот белую подружку зовут «фа». Запомнила?

– Ага! «Ре», «ре-диез» и «фа».

Даша помялась, подумала и, вздохнув поглубже, решительно глянула тётё в глаза:

– Тётя, ты волшебница?

Глаза той мгновенно изменились, от них побежали лучики-морщинки, и тётенька таинственно шепнула:

– Конечно, Даша, я волшебница. Но не простая. Я волшебная учительница. А учу я девочек и мальчиков самому настоящему волшебству. Хочешь, и тебя научу?

– Хочу, – прошептала Даша.

Её ноги неожиданно ослабли, и она опустилась на корточки, обхватив руками колени.

– Эй, ты куда провалилась? Так дело не пойдёт. – Учительница встала, подтянула стул поближе к Крылатому. – Садись!

Даша забралась на сиденье, сложила руки и с готовностью посмотрела на учительницу.

– Сначала скажи-ка, любишь ли ты петь?

Даша кивнула.

– Спой мне первую нотку. Помнишь, как её зовут?

– «Ре».

Даша прикрыла глаза и постаралась, чтобы её «ре» была такой же, как и настоящая.

– Теперь вторую подружку спой – «ре-диез». – Учительница коснулась чёрной дощечки.

Даша повторила. Ей показалось, что учительница осталась довольна. И, чтобы она не передумала обучать её волшебству, Даша поспешно сказала:

– Я и «фа» помню! – и не очень уверенно, подъезжая, всё же дотянулась до третьей ноты.

– Э, да у тебя, кажется, слух абсолютный, – непонятно сказала учительница.

И Даша немного испугалась, не зная, хорошо это или плохо.

Потом они играли в хлопучки. Учительница хлопала часто-часто, и нужно было это повторить точь-в-точь. Очень весело!

– А песню ты мне какую-нибудь споёшь, а, Даша? – спросила учительница, когда они нахлопались вдоволь.

– Какую?

– Самую любимую. Какие ты детские песенки знаешь?

– Никакие.

– И про Чебурашку не знаешь?

– Знаю. Но я люблю взрослые песни. Которые мама поёт, когда на кухне.

– Тогда спой мамину.

Даша сползла со стула, вытянулась в струнку посреди комнаты и старательно затинула:

Две вечных подруги – любовь и разлука —
не ходят одна без другой...

Учительница захохотала, сгребла Дашу и усадила себе на колени.

– Ну, вот что, Дашище! Хочешь учиться играть на фортепьяно?

– Нет! – решительно отрезала Даша.

– Но почему? – удивилась учительница. – Мне показалось, что именно это тебе понравилось.

– А кто этот... эта... фортепьяна?

– Удивительно, что ты не знаешь. Только не фортепьяна, а фортепьяно. Или ещё рояль. Это вот этот чёрный инструмент.

– Крылатый?! – ахнула девочка и слетела с колен на пол. – Хочу! Хочу! Хочу играть на фортепьяне!

Учительница улыбнулась.

– А почему ты его назвала крылатым?

– Ну, я когда в другой большой комнате была, которая с занавесками, там был такой же фортепьян, у него чёрное крылышко вверх торчало.

– С крылышком – это, Дашуня, рояль. И сейчас мы с тобой на рояле играем. Как ты красиво его окрестила – «Крылатый»! Знаешь, если на рояле или фортепьяно научиться играть очень хорошо, то у того, кто играет, и у тех, кто такую музыку слушает, тоже крылья вырастают. Их глазами не видно, но все равно понятно. Вот только чтобы это получилось, нужно очень сильно постараться.

– Я буду стараться, – заверила Даша. – Давай.

– Что давать?

– Учи.

Учительница рассмеялась, обняла девочку и прижала её к себе.

– Ах, какая ты быстрая! Молодец! Только прежде ты про наш разговор расскажешь маме. Нельзя же, чтобы она не знала. Правда?

– Правда, – с готовностью кивнула Даша.

Её немного лихорадило от возбуждения. Во-первых, она ещё не могла поверить в то, что её будет учить эта добрая учительница, во-вторых, научиться хотелось прямо сейчас, хотя бы маленькую-маленькую крошечку, а в-третьих, и это было самым страшным, она не была уверена, позволит ли мама. Может, как всегда, скажет, что папа болеет и его не надо тревожить... Зато если позволит!.. Тогда она, Даша, научится так, что выпустит из себя наружу все те песенки, которые слышит сама и не слышат другие.

– Я сейчас напишу записку. Для мамы. Как её зовут?

– Настасья Семёновна.

– Анастасия. Кстати, мы с тобой познакомились наполовину. Я знаю, что ты – Даша. А меня зовут Ирина Вениаминовна. Фамилия – Ильина. Запомнишь?

– Да.

– Назови теперь мне свою фамилию.

– Заяц.

Ирина Вениаминовна улыбнулась.

– Решительный ты заяц! Пришла в музыкальную школу и в зале, и в классе побывала, с Крылатым познакомилась, меня не испугалась. Да, смелый ты заяц, Даша!

Возражать девочка не стала.

Ирина Вениаминовна порылась в столе, нашла чистый лист, ручку.

– Смотри. Пишу твоей маме записку: «Уважаемая Анастасия Семёновна! Ваша дочь Даша была прослушана в центральной городской музыкальной школе. Показала хорошие музыкальные задатки и изъявила желание заниматься в фортепьянном классе. В случае Вашего согласия приглашаю в кабинет № 7 с 13–00 до 20–00. Педагог *Ирина Вениаминовна*». Ну вот. А теперь, заяц, скачи домой.

Даша взяла записку и пошла к двери, но вдруг вспомнила про волшебную палочку. Развернулась, выцарапала из щели, куда та закатилась, и спрятала за спиной.

– Палку забыла? Зачем она тебе? Вон у двери корзина для мусора. Можешь выкинуть там.

– Нельзя! – замотала головой Даша. – Нет!

– Почему? – заинтересовалась учительница.

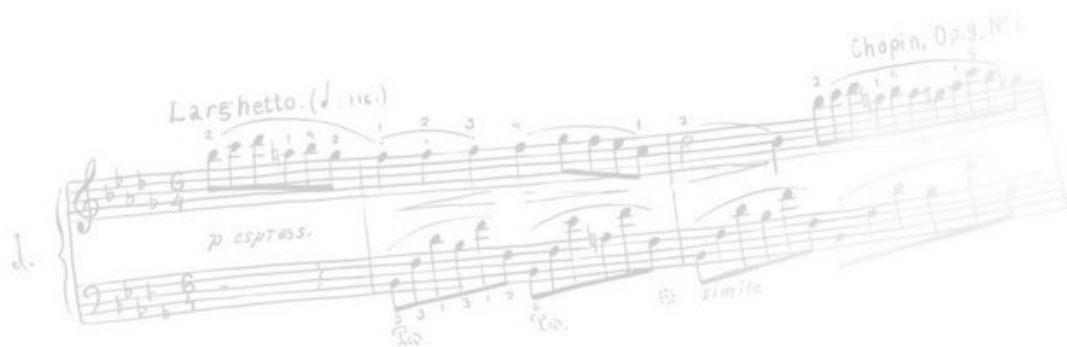
– Это... это... – После всего, что приключилось сегодня, она могла доверить свой секрет, не опасаясь, что ей не поверят, и шепнула: – Эта палочка волшебная.

Ирина Вениаминовна тоже перешла на шёпот:

– Как же ты с ней управляешься?

– Как дядя в телевизоре, – пояснила Даша и, копируя взмахи дирижёра, провела палочкой в воздухе.

– Ну, тогда это и вправду волшебная палочка, – подтвердила Ирина Вениаминовна. – Жду, очень жду тебя вместе с мамой, Дашуня.

Как я бежала! Неслась! Летела! Я задыхалась! Я падала пару раз. И с каждой секундой терялась уверенность в том, что мама пойдёт к Ирине Вениаминове. Поэтому я как могла уменьшала количество этих ужасных секунд. В результате, красная, потная, я не смогла говорить, просто сунула маме драгоценную записку и спряталась за дверь. Не потому, что я боялась мамы. Просто сил смотреть на то, как она будет читать, у меня уже не осталось.

* * *

Даша стояла за дверью, уткнувшись лицом в угол, не шевелясь, чтобы даже случайным шорохом не спугнуть, не помешать маме принять правильное решение. Наконец она ощутила тёплые руки на своих плечах, обернулась.

– Доченька, как же ты в школе оказалась?

Даша пожала плечами.

– Там музыка и рояль. Большущий. И фортепьяна.

– Фортепьяно, – механически поправила мама. – А как ты познакомилась с Ириной Вениаминовной? Кто она?

– Волшебная учительница, – с готовностью пояснила Даша.

– Ну понятно...

Настасья вздохнула. Провела ладонью по Дashiным волосам. Задумалась. В какой-то момент Даше показалось, что мама хочет заплакать, и потянулась к ней. Настасья увлекла дочку на диван. Даша прижалась к её груди.

– Мам, а у тебя сердечко стучит: тук-тук, тук-тук...

Настасья всхлипнула.

– Мамочка, почему ты плачешь? Тебя поругали?

– Что ты, маленькая? Кто ж меня будет ругать? Это я просто так.

– Мамочка, я тебя очень люблю! Очень-очень!

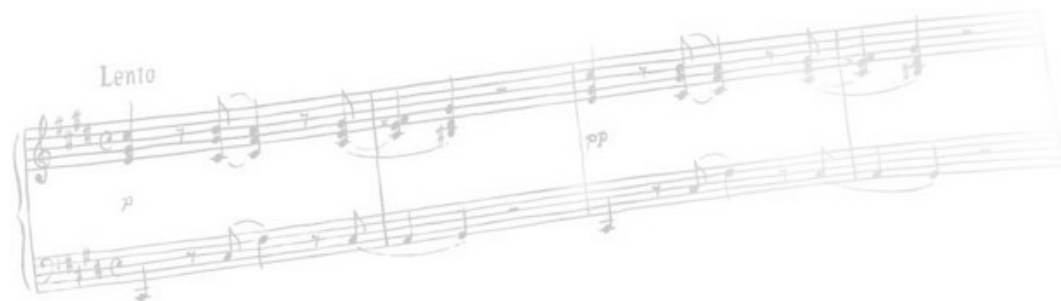
Настасья посадила Дашу на колени и, покачивая, как младенца, задумалась.

Разве такой представлялась ей жизнь всего несколько лет назад? Как хорошо было! Почему же теперь так? За что? Как объяснить Дашуне, что нет у них денег на пианино?! И Нестору не до музыки. Но Дашка-то в чём виновата? Ей жить, учиться надо... И так без внимания да ласки... Сложно...

– Мамочка! А когда мы пойдём к учительнице? – вяло пробормотала засыпающая Даша. Количество впечатлений, свалившихся на неё за сегодняшний день, явно превысило её возможности.

– Спи, моя хорошая. Утро вечера мудренее.

А что она ещё могла сказать?

С этого момента каждый новый день начинался моим вопросом: «Когда?» В семь лет невозможно догадаться, насколько искренни с тобой родные. А мама выжидала, надеясь, что я забуду, передумаю. Откуда ей было знать, что музыка стала для меня не просто детской прихотью, а фундаментом, на котором я как могла строила свою жизнь. Я ловила каждый мамин взгляд, надеясь не пропустить долгожданный миг – сегодня! И каждый раз убеждалась – нет, пока не до меня. Мама занята.

Чтобы не заболеть от переживаний, спасалась я неуёмной болтовней. Сработал некий охранный механизм. Я липла ко всем с вопросами, рассказами и фантазиями. За несколько дней я измучила обеих сестёр до такой степени, что они начали меня избегать.

Но в такой активности обнаружился один существенный плюс – на мои вопросы отвечали. В результате волшебная учительница и волшебный дом превратились просто в музыкальную школу и учительницу музыки. Я узнала, что в школе учат всех, лишь бы были способности, что учёба очень непроста и даже скучна (с этим я заведомо не хотела соглашаться), что учат долго, целых семь лет. Но, несмотря на все эти страсти, меня тянуло к Ирине Вениаминовне

всё сильнее и сильнее. В развенчании волшебства были свои преимущества. Теперь я могла не опасаться, что меня не возьмут на учебу, потому что в волшебную школу берут не всякого, а в обычную примут обязательно!

* * *

Маму и сестёр в покое оставила Даша дней через десять. Теперь она часами просиживала одна, забившись в какой-нибудь укромный угол. Волшебная палочка, утратив свой статус, была засунута в ящик с куклами. Кукол Даша и раньше не особенно жаловала – так, потаскает чуть-чуть и забросит. Теперь играть вообще не хотелось. Мелькнувшая фейерверком реальность переключалась в воспоминания и всё более робкие мечты. К тому же крошечный опыт Дашиного музыкантства складывался всего лишь из двухразового брэнчания по клавишам рояля, поэтому и мечтам не на что было особо опереться.

Настасья не спала ночами, пытаясь найти хоть какую-то лазейку, позволившую бы Дашке получить музыкальное образование. Она понимала, что Нестору становится хуже, и, как бы ни помогало государство, денег на лечение – хотя какое уж это лечение! – всё равно требуется немерено. Да и Аня с Викторией подросли, их в обноски не вырядишь... Но тем не менее снова и снова прокручивала в уме разные варианты и, не находя выхода, тихонько плакала. А днём, чтобы не продлевать агонию Дашиных надежд, была деловита и подчёркнуто холодна, рассчитывая на то, что дочка сама переболеет своим увлечением и успокоится.

Ирина Вениаминовна поднялась на второй этаж. Около 15-го класса задержалась. За дверью кто-то бойко справлялся с «Бабой-ягой» Чайковского. «Кто это у Элеоноры так наяривает? Пора моей Лизке темп поднимать. Может ведь, бездельница! Ручки – золотые. А в голове – ветер».

Прошла по коридору. Около последней двери остановилась, заглянула. Несколько пар глаз оторвались от тетрадок.

– Елена Артёмовна, вас можно на минутку?

– Дописываем диктант. Молча. Мальчики, надеюсь, меня услышали? – Полная красивая Елена Артёмовна вышла в коридор.

– Привет, Ирочка! Ты по поводу вечера?

– Да. Вот деньги на подарок. Держи. Анна Львовна в семь собирает, как и договаривались?

– Без изменений. Мы тебя по дороге подберём, если хочешь. Сначала Олюшку, а потом тебя.

– Боюсь, сидеть мне сегодня до упора. В пять Анюта Емцова пожалует. Она, видишь ли, перед экзаменом заучилась наконец. Пальцы крючком, амбиции торчком.

– Твоя Емцова по сольфеджио аттестации не получит. Месяц не показывается. Мать пора вызывать.

– Мать!.. Она её крутит как хочет. Ладно, я всё поняла. Побегу.

– Постой! – Елена Артёмовна взяла подругу за локоть. – Ты не знаешь, чей ребёнок третий день на лавке под шелковицей сидит?

– Нет. А что за ребёнок? – Ирина Вениаминовна почувствовала волнение: «Неужели?..»

– Иду на работу к часу – сидит. Неподвижная, как столбик. На окна глядит. Возвращаюсь в шесть – она там же. Спрашиваю: «Ты кого ждёшь?» Молчит.

– Маленькая? Лет шесть-семь?

– Не старше.

– Светленькая. Косички. Неухоженная.

– Похожа. Да ты можешь посмотреть. Она и сегодня там.

Ирина Вениаминовна развернулась и быстро пошла по коридору.

– Ты что, знаешь её? – крикнула вдогонку Елена Артёмовна.

– Кажется, знаю. Если она та, о ком думаю, тогда это Даша! – ответила Ирина Вениаминовна, сбежала по ступеням на первый этаж, выглянула на улицу.

Это действительно была Даша, только другая – скукоженная, несчастная. Их глаза встретились. Девочка вскинулась, но затем снова сжалась в комочек. Её подбородок задрожал, глаза заблестели, и Ирина Вениаминовна поняла, что Даша плачет. Без слёз. Так бывает.

– Дашуня! Почему ты здесь? А мама? Ты записку потеряла? Почему ко мне не пришла?

Ирина Вениаминовна опустилась на скамейку рядом с девочкой. Свежий ветер ударил в спину. Она пощупала Дашины руки.

– Да ты же совсем заледенела! Так и заболеть недолго. Давай-ка, подруга, поднимайся, пойдём в класс, там и поговорим. – Обхватив девочку за плечи, она подтолкнула её к крыльцу.

В коридоре Дашу окутало тепло, тот самый особый запах, звуки. Ирина Вениаминовна, так и шедшая с ней в обнимку, почувствовала, как девчужка расслабилась.

Они вошли в тот же класс. Но теперь в нём был мальчик, может быть чуть-чуть постарше Даши. Он сидел у рояля и теребил краешек большой книги с какими-то чёрными закорючками, которая стояла перед ним на полочке.

– Женя, ты выучил фразу, над которой мы с тобой работали?

Мальчик неубедительно кивнул.

– Замечательно. Сейчас мы поговорим с Дашей, а потом ты нам сыграешь. Как на концерте. Послушаем, Даша, как маэстро играет?

Даша пожалала плечами. Что такое это самое «маэстро», она не знала. Женя тряхнул головой, тёмные длинные волосы упали на хитрые быстрые глаза, но когда учительница отвернулась, он скорчил рожицу и, заплетая пальцы, показал, как будет играть. Даша улыбнулась. Кривляния мальчика не показались ей обидными. Даже наоборот. Ими Женя как бы принимал её, Дашу, в их особую команду.

Ирина Вениаминовна, наблюдавшая за их беззвучным общением в отражении стеклянных дверок шкафа, забитого различной музыкальной литературой, улыбнулась и чуть потянула время, давая девочке пообвыкнуться. Но когда не страдавший излишним послушанием Женька наклонился над клавиатурой и клюнул рояль носом, она резко обернулась.

– Жбанов! Я не поняла. Тебе рук не хватает?

Женя тут же, на глазах, превратился в кроткого и вполне приличного мальчика.

– Сиди, играй. Мы поговорим с Дашей. Но тебя я слышу очень хорошо.

Женя заиграл. Даше показалось, что игра его была недостижимо прекрасна. Ирина Вениаминовна, дав девочке послушаться, коснулась её запястья.

– Дашуня, ты мою записку маме отдала?

Она кивнула.

– Что сказала мама?

Даша опустила голову. Слезы, не находившие выхода несколько дней, хлынули ручьями.

– Ну-ка, ну-ка! – Ирина Вениаминовна нащупала свою сумочку, висевшую на спинке стула, достала оттуда чистый носовой платок, протянула его ребёнку. – Вытирай глаза и сморкайся!

Даша послушно проделала всё то, что ей приказали, но слёзы так и не захотели остановиться.

– Что, мама не разрешила? – догадалась учительница.

Девочка несколько раз утвердительно кивнула и тут же энергично замотала головой из стороны в сторону.

– Ничего не понимаю. Так да или нет?

– Она ничего не сказала, – пояснила Даша и заревела громче.

Женька перестал мучить рояль и устался на ревушую девчонку.

– Жень, посиди в коридоре немножечко, ладно? Я тебя позову, ты нам ещё раз сыграешь, а потом мы позанимаемся. Тебе всё равно сольфеджио ждать.

Недовольный Женя, цепляясь за всё, что попадалось на пути, вышел. Убедившись, что дверь плотно закрыта, Ирина Вениаминовна посмотрела на Дашу.

– Так, царевна Несмеяна, подожди реветь. Почему ты считаешь, что мама не хочет ко мне идти? Если она тебе ничего не сказала, возможно, она решает, как поступить. Ей ведь о многом надо подумать. Давай и мы с тобой подумаем, как быть. Идёт?

– Идёт! – Слёзы мгновенно высохли. – Давай думать.

Собственно, думать было не о чем. Не первый год работала в школе Ирина Вениаминовна. Подобная реакция родителей не была редкостью. Очевидно, Дашина мама предложением не заинтересовалась и, чтобы не травмировать дочь, решила отмолчаться. Но тот же самый опыт говорил, что для девчухи ещё не всё потеряно. Даже самые негативно настроенные родители, выслушав оценку способностей их чад из уст педагогов, с готовностью меняли своё решение на противоположное. Была ли талантлива Даша, Ирина Вениаминовна не знала. Чувствовалось, что девочка умна, чувствительна, обладает несомненным слухом. Для успешности эти условия были необходимы, но не достаточны. В данном случае наиболее ценным являлось само желание Даши. Малышка тянулась к музыке, как к чуду, к сказке. А разрушать веру в детские сказки, по глубокому убеждению Ирины Вениаминовны, никакой взрослый не имел право.

Вторая встреча с учительницей открыла для меня одно очень важное качество Ирины Вениаминовны, которое ценили все её ученики, – она никогда не позволяла себе заигрывать с нами. Дети являлись для неё изначально людьми, только маленькими. Все мы уважали её за это, в результате чего она, не опускаясь до крика или сюсюканья, легко добивалась от нас того, на что иные педагоги или родители безрезультатно годами тратили своё здоровье. А мы её просто любили. Впрочем, она нас тоже.

* * *

– Дашенька, сейчас у меня урок с Женей. Поэтому давай поступим так: сначала, как и обещали, послушаем, чего он достиг в этюде, потом ты мне объяснишь, где живёшь, и отправишься домой. А я, как только у меня закончатся занятия, приду к твоей маме знакомиться, – сказала Ирина Вениаминовна, подумав, что, если Дашину маму не придётся долго уговаривать, она ещё успеет на день рождения к Анне Львовне. – Ну как? Принимается моё предложение?

– Нет! – завопил Женька, подслушивающий у двери.

– Да! – захлопала в ладоши Даша.

– Вот и замечательно. Женя, входи. Ухо не устало? Мы с Дашей сейчас садимся поудобнее и готовимся слушать. А ты, мой друг, начинай!

Когда в седьмом часу затренькал входной звонок, Даша распрямилась, как пружина, соскочила с кресла, в котором пыталась занять себя чем-нибудь весь вечер, но, не добежав и до середины комнаты, вернулась. Ей вдруг стало страшно, что мама не впустит Ирину Вениаминовну, или станет сердиться, или сразу же откажется отдать Дашу в школу, или... Девочка уткнулась в колени и стала ждать, что будет.

– Мам! Это к тебе! – крикнула Аня.

– Сейчас, сейчас! – Настасья помешала кашу и вышла, вытирая на ходу руки вафельным полотенцем. Вопросительно поглядела на гостью.

Ирина Вениаминовна, не увидев Даши, засомневалась.

– Здравствуйте. Мне нужна Анастасия Семёновна. Это вы?

– Да, я.

– Меня зовут Ирина Вениаминовна. Я учитель музыкальной школы. Вам Даша должна была записку передать.

В лице Настасьи что-то изменилось, и Ирина Вениаминовна только сейчас заметила, как женщина устала. И насколько старым было всё в этом доме: засаленные с подтёками обои, щербатый пол, покрытый невесть как сохранившейся плиткой, одежда на перекошенной вешалке...

– Ну что же, входите, поговорим.

Пока гостя раздевалась, Настасья отрешённо мяла полотенце, и только когда Ирина Вениаминовна вопросительно глянула ей в глаза, очнулась, покраснела.

– Ох, что же вы разулись?! Пол холодный. – И добавила виновато: – А тапочек нет.

– Ничего, пусть ноги отдохнут.

– Ну смотрите... Вы не против, если мы в кухне поговорим? У меня там каша. Да и поспокойнее. Я вас чаем напою. Хотите?

– Нет, нет! Не беспокойтесь. Я совсем ненадолго. У меня сегодня ещё один визит, – заверила хозяйку Ирина Вениаминовна, уже догадываясь, что не ответившая на записку женщина, видимо, имела какие-то более веские причины отказать дочери, чем «хочу – не хочу».

Настасья плотно закрыла дверь с рифлёным стеклом, выдвинула табуретку, быстро смахнув полотенцем невидимые крошки.

– Присаживайтесь.

За дверью тут же замельтешило, и на стекле обозначился совершенно поросячий пяточок и один глаз, искажённый стеклянным узором.

Настасья улыбнулась. Улыбка не отличалась уверенностью, чего нельзя было сказать о голосе:

– Дарья! Человек пришёл ко мне, а не к тебе. Пожалуйста, пойди в комнату, не мешай нам разговаривать. Если ты понадобишься, тебя позовут.

«Пяточок» тут же исчез. Ирине Вениаминовне подумалось, что этой женщине, возможно, часто приходится играть, притворяться, настолько сильно разнились мимика и голос. Теперь, при свете кухонного абажура, она смогла рассмотреть Дашину маму. Женщина была, несомненно, красивой. Возраст навскидку тянул за сорок. Хотя, если присмотреться, вряд ли перевалил тридцать пять. Длинные, собранные в пучок волосы могли бы казаться шикарными, если бы не ранняя седина, сквозившая через давно не обновляемую краску. В результате красота отступала перед неуверенностью и усталостью.

– Я вас слушаю. – Настасья, сложив на столе руки, как школьница, в упор посмотрела на Ирину Вениаминовну.

Та, заранее заготовив фразы, которыми предстояло убеждать Дашину мать не упираться и исполнить желание ребёнка, замаялась, понимая, что разговор пойдёт не так, как выстроила его она в своём воображении. Поэтому начало получилось неубедительным. Но постепенно, стараясь найти верные слова и акценты, Ирина Вениаминовна увлеклась, заговорила бойко, эмоционально:

– Ваша девочка... она сама нашла школу... Теперь она сидит под дверью... Так нельзя. Нет. Я не о том. Понимаете, у неё слух, память! Она очень, я подчёркиваю, очень чувствительна, музыкальна. Это уже сейчас заметно. Впервые, случайно столкнувшись с инструментом, она открыла для себя высоту звука, нащупала интервалы. У неё очень хорошая голова. Но

даже не это главное. Сейчас мало кто из детей верит в сказку. По-настоящему. А она верит! Нельзя её разочаровать. За ту пару недель, которые прошли с нашей первой встречи, Даша сильно изменилась. Так нельзя. Она плачет. Подумайте, пожалуйста, ещё раз.

Настасья вздохнула. И что-то в этом вздохе было такое, от чего Ирина Вениаминовна, буквально вымучив последнее «пожалуйста», замолчала.

– Господи, да не могу я, не могу... – бесцветно, подчеркнуто ровно произнесла Настасья. Потом резко, неожиданно сжала виски и уже с нескрываемой болью, сдавленно, чтобы не услышали дети, почти выкрикнула: – Не могу!

Ирина Вениаминовна вскочила, но Настасья, явно раздосадованная своим срывом, поймала её взгляд и попросила:

– Не уходите!

Ирина Вениаминовна опустила на свою табуретку.

– Я не хочу, чтобы вы хотя бы допустили, что я Дашуньку не люблю или не хочу её счастья. Видите ли, есть одна вещь, которую моя дочка не могла вам объяснить. Её отец, мой муж – инвалид. Калека. – Она замолчала, словно споткнувшись о произнесённое. Потом продолжила с заметным усилием, заставляя себя говорить: – Даша родилась, когда о болезни ещё никто не догадывался. Знаете, я часто думаю: почему такое произошло с нами? Нестор служил, я не работала. Денег хватало. Трое девочек... Это не очень просто. Даже при достатке. Я не только о деньгах, но и о времени. Две старшие у нас погодки. Анечке четырнадцать, а Вике почти тринадцать. Нестор... редко такой человек кому попадается. Когда не на службе – то с девчонками, то мастерит что-нибудь. И по магазинам ходил, и пелёнки детские стирать не гнушался. Всё шутил: «Ты у меня хрупкая. Будешь за мной, как за каменной стеной». Хрупкая... Вот и стень не получилось. Рухнула стена.

Настасья замолчала. Ирина Вениаминовна сжалась в комочек, боясь движением, лишним словом вспугнуть молчание, понимая, что не слов ждёт от неё эта женщина.

– В общем, причину до конца так и не выяснили. Считают – последствия аварии... Помните, на нашем химзаводе? Тогда ещё боялись, что город эвакуировать не успеют. Пришлось ему там... ликвидировать. Дашки тогда и в проекте не было. Мы потом долго на ребёнка не решались – боялись. Но Нестор очень сына хотел. А получилась Дашунька. Ей год исполнился – всё и началось...

Вы простите, что я о нашем, семейном, вам, чужому человеку, рассказываю. Но мне очень важно, чтобы вы поняли. Меня ведь многие не могут или не хотят понять. Осуждают... И что денег за Аню с Викой в школу не сдаю, если дополнительные требуют, и что за Дашей вроде бы мало приглядываю, и... Да что уж! Действительно, мало. Но у нас каждый год – больница, операция. А болезнь остановить не могут. Сейчас от него лишь одна душа осталась, да и та, не поймёшь, здорова ли. Вот, должны опять в больницу ложиться. И девочки подросли. Их тоже одеть-обуть... А вы говорите – пианино! Да я же не против! Сама бы к вам её привела, будь по-другому. Ещё и упрашивала бы, чтобы взяли. И о слухе её знаю. Сама хорошо пою. В детстве мечтала певицей стать, да мама отговорила. А Дашенька, когда родилась, беспокойная была. Часто ночью просыпалась. Что делать? Сестрёнок, Нестора разбудит. Сказки рассказывать? Мала ещё. Вот я и пела. Пока пою, она молчит. Удобно. И запела моя Дашка раньше, чем говорить стала. Чего же не запеть? В песне выросла.

Настасья, вспоминая о маленькой дочери, порозовела. Голос приобрёл выразительность. Боль и безнадёжность исчезли.

– Сначала на одном звуке гудела. Затянет минут на пятнадцать – двадцать. Мы с Нестором смеялись. Сбить пытались, просто так, ради эксперимента. Она «у-у-у» в верхах, а я чуть ниже «а-а-а»! Ничего подобного! Где укала, там и укает. Нестор говорил: «Или медведь на ухо наступил, или музыкантом будет!» С месяц укала. Потом запела. Сразу и правильно. Всё, что я пела, всё вспомнила. Вот так! – В голосе Настасьи послышалась гордость. – А пианино?... Да у меня старшей денег на зимнюю курточку нет! Вы не подумайте, что я плачусь. Ненавижу вызывать чью-либо жалость. Ни сама, ни когда это другие делают. Но про деньги – правда. Хотя, наверное, и не в деньгах дело. Может, какой бы кредит взяла, заняла у кого, хотя... ладно... Понимаете, Ирина Вениаминовна, вижу я, что Нестору тяжело будет шум переносить. Он, может, и не скажет. Но у человека и так ничего в жизни не осталось. Нельзя лишать его сейчас хотя бы покоя. Может, потом...

Сказала и испугалась. Когда потом?

Ирина Вениаминовна, мгновенно прочувствовав всю трагедию обмолвки, поспешно встала. Нужно уйти. Всё, что можно, уже сказано. Но оставалось одно «но», и о нём она тоже не могла не помнить – где-то за дверью в коридоре притаилась Даша. Не могла она сейчас, послушавшись маму, прилежно играть на диване в куклы. И ей придётся что-то сказать. Что?

– Анастасия Семёновна, я всё поняла. Не беспокойтесь. Я поняла правильно. И... я вам очень сочувствую. Извините меня за этот визит.

– Да что вы! – Настасья вспыхнула. – Это же для Даши! Я благодарна вам. Вы даже не представляете как! Ведь только то и держит, что соседи помогают, знакомые, друзья. Вот и вам моя Дашка небезразлична.

– В общем, пойду я, – уже скорее для себя, чем для собеседницы произнесла Ирина Вениаминовна и решительно толкнула дверь.

Даша, совершенно белая, стояла возле вешалки. Её неподвижный взгляд не оставлял сомнений в том, что девочка слышала всё.

Ирина Вениаминовна подошла к ребёнку. Рука сама собой потянулась к её непричёсанной голове. Но, так и не дотронувшись, опустилась. Никаких нежностей! Это – лишняя травма. И приход сюда, в этот грустный дом, тоже оказался лишним.

Как можно спокойнее Ирина Вениаминовна произнесла:

– До свидания, Даша.

Сминая задники, всунулась в туфли, выскочила на лестничную площадку, потом под дождь, в серый двор. На улице у неё закололо под лопаткой. Она постояла, прислонившись к стене около подъезда. Боль ушла. Дав себе команду ни о чём не думать, Ирина Вениаминовна посмотрела на часы – всего восемь. У Анны Львовны самый разгар. Можно успеть, иначе обидится. Не обращая внимания на дождь, пошла на остановку. Маршрутки не было минут пятнадцать. Наконец она подошла. Ирина Вениаминовна села рядом с водителем, но, проехав совсем чуть-чуть, вынула деньги, расплатилась, вышла. Проще было извиниться потом перед коллегой и подругой, чем веселиться сейчас.

– Аня, я тебя понимаю прекрасно. Тебе хочется сыграть по-настоящему. Но пальчики-то не бегут! Мне казалось, что ты ещё на прошлом академе убедила, что в музыке само по себе никогда ничего не происходит. Ты, конечно, слышишь. Вот давай на это и нацелим наше внимание. Вернись в удобный темп, начинай заново.

Ирина Вениаминовна под села справа к ученице, подтолкнула вверх её прижатый локоть.

Обидно. Способная девчонка, но лентяйка страшная. И каждый год одно и то же – до весны гуляем, а потом пытаемся звёзды с неба срывать.

Дверь приоткрылась. В щель заглянула женщина лет тридцати пяти – холёная, яркая.

– Я ищу педагога Ильину.

– Вы меня уже нашли, – улыбнулась Ирина Вениаминовна. – Но у меня сейчас урок. Если нам с вами нужно поговорить обстоятельно, придётся минут двадцать подождать.

– Мы подождём.

«Мы» относилось к девчужке, маячившей за мамой.

Ирина Вениаминовна дослушала пьесу, похвалила сонату и отпустила Аню чуть раньше, назначив дополнительные занятия на завтрашний вечер. Ученики шли по расписанию плотно друг за другом. Времени на «поговорить» не оставалось.

Выходя, Аня распахнула дверь. Женщина и очень похожая на неё девочка стояли в коридоре.

– Заходите, пожалуйста, в класс.

– Идём, Лида! – скомандовала мама и подтолкнула чадо.

«Мальвина» – именно это сравнение показалось наиболее подходящим для девчонки, – совершенно не стесняясь, прошла сразу же к инструменту, подумала и забралась на стул с несколькими дощечками-подкладками, доводящими его до необходимой для начинающего пианиста высоты. Она, как и мать, была белокура, большеглаза. Прямые волосы-каре украшал огромный замысловатый бант. Розовое платье «а-ля принцесса» дополняли туфельки в тон и белые кружевные колготки.

– Я Дельцова, – произнесла женщина и выжидающе замолчала.

По затянувшейся паузе Ирина Вениаминовна поняла, что от неё ожидают некоей реакции, но, как ни пыталась вспомнить, фамилия визитёрши не говорила ей ровным счётом ничего.

– Я вас слушаю...

– Вы не в курсе? – Казалось, женщина была удивлена.

– Совершенно не в курсе.

– Вас должны были предупредить. (Ирина Вениаминовна едва сдержала усмешку: ни дать ни взять визит первой леди королевства!) Впрочем, теперь это уже не важно. Я хочу, чтобы Лидия играла на фортепьяно. Образование должно быть настоящим. Бывшая знать разбиралась в этом лучше нас. Я думаю, вы-то разделяете моё мнение?

– Безусловно, – на обсуждение данной, явно «больной» темы времени тратить не хотелось.

– Нам посоветовали, и мы выбрали вас как достаточно квалифицированного педагога.

– Спасибо за оценку моего труда. Хотя у нас в школе все педагоги имеют необходимую квалификацию для обучения детей.

– Да, возможно. Но я хочу, чтобы с Лидией занимались вы.

– Лида, а ты хочешь учиться? – повернулась Ирина Вениаминовна к Мальвине, которой разговор уже явно наскучил, и она сосредоточенно пыталась поддеть белую клавишу аккуратно подстриженным ноготком.

Вопрос был услышан, клавиша оставлена в покое, и ответ дан категорично и окончательно:

– Нет!

– Что ты мелешь? – Женщина резко развернулась к дочери. Заскрипела кожа её короткой узкой юбки.

– Ну мам! Ты же сама мне сказала, что я буду выступать! Как звезда!

Женщина засмеялась, махнула рукой: глупая, что на ребёнка обращать внимание!

В класс просунулась голова Жени Жбанова. Ирина Вениаминовна глянула на часы. Правильно, через три минуты его урок. С разговорами нужно закругляться.

– Извините, ваше имя-отчество?

– Вера Филипповна.

– Видите ли, уважаемая Вера Филипповна, я понимаю, что вам порекомендовали для Лиды мой класс. Но он переполнен. Заниматься ещё с одной ученицей я не смогу. К тому же ей сначала нужно будет пройти отборочное прослушивание перед школьной комиссией.

– Ну, вот это уж совсем не проблема, – махнула рукой Вера Филипповна.

И Ирине Вениаминовне показалось, что в данном случае она с мамой Лиды имели в виду нечто совершенно различное.

– Если хотите, я прослушаю девочку. Но лучше, если это сделает тот педагог, у которого она будет заниматься...

– Она *хочет* заниматься у вас, – оборвала её торопливую речь Вера Филипповна, сделав упор на слове «хочет». Пошарила в сумке, достала плотный конверт, положила его на стол и повторила, акцентируя теперь конец фразы: – Она *хочет* заниматься *у вас*.

В лицо Ирины Вениаминовны хлынул жар. Она встала, открыла дверь и крикнула в коридор:

– Женя, заходи!

Потом, взяв себя в руки, обернулась к посетителям:

– Я описала ситуацию достаточно подробно. Могу лишь посоветовать обратиться к завучу или директору. Вам подыщут педагога. А теперь, простите, у меня подошёл ученик, – и решительно отодвинула конверт подальше от себя.

– До *скорого* свидания! – На сей раз подчеркнув «скорого», женщина вышла, увлекая за собой дочку.

Первые минуты урока прошли мимо сознания. Автоматически делая замечания, подхватывая где надо, Ирина Вениаминовна думала о посетителях. Какая наглость! Похоже, эта Вера Филипповна даже не предполагала, что ей могут отказать. Хотя деньги припасла. Значит, рассматривался любой вариант. Как противно!

Женька, заметив, что сегодня его почти не останавливают, решил, что своей ленью доконал учительницу окончательно, сосредоточился, и то, что не получалось никак, вдруг сложилось во вполне приличный этюд. Это было так неожиданно хорошо, что Ирина Вениаминовна тут же «вернулась» в класс. Она резко выдохнула, словно прогоняя неприятные мысли, и занялась Женей.

Однако минут через двадцать в дверь заглянула запыхавшаяся Варвара Сергеевна.

Старая вахтёрша воспринималась и педагогами, и учениками как неотъемлемая часть школы – так давно начался её трудовой стаж. Он тянулся от момента открытия школы и до настоящего времени, не прерываясь ни разу. Сергеевна «выучила» более половины работающих ныне педагогов, знала всё обо всех, но имела любимчиков, в число которых входила Ирина Вениаминовна. Музыка старушка любила страстно, несмотря на отсутствие какого-либо музыкального образования, и до сих пор с энтузиазмом посещала все мало-мальски значимые концерты, игнорируя появившуюся одышку и старческую сонливость.

– Иринушка, зайди к Анне Львовне, когда урок закончишь.

– Спасибо, Варвара Сергеевна, я вас поняла. Зайду.

Через пятнадцать минут она нашла завуча. Невысокая суховатая Анна Львовна стояла на балкончике, курила. Анну Львовну – блестящего пианиста и педагога – кто-то любил, кто-то боготворил, кто-то боялся. Но уважали все. Это относилось и ко многочисленным ученикам, и к коллегам. Даже за глаза называли по имениотчеству.

– Ирина! Заходи, – пророкотала Анна Львовна, затушила сигарету и сама зашла в комнату. – Что там у вас с этой Дельцовой?

– А собственно, ничего! – Ирина Вениаминовна вспыхнула. Она думала, что разговор пойдёт о консультации для двух её выпускниц. Консультацию уже пару раз откладывали по разным причинам. Такого оборота она не ожидала. – Я объяснила, что в этом году набора не имею, класс перегружен, и отправила к вам. О прослушивании речь не шла.

– Какое прослушивание?! – Завуч усмехнулась. – За неё Андрей Яковлевич ходатайствует. Поняла задачу?

– А что, «там», – Ирина Вениаминовна метнула взгляд под потолок, – теперь занимаются комплектованием моего класса, а заодно и моим свободным временем?

– Да подожди, не кипятись! Чего ты хочешь? Как работаешь, то и имеешь. У тебя Малахова с Кучеренко выпускаются. Вот и вакансии.

– Знаю я свои вакансии. Я вообще никого брать не собиралась. Дочь уже забыла, как мама выглядит. И муж, между прочим, ворчит не первый год.

– Привет им от меня огромный. Значит, точно не хочешь?

– Не хочу, Анна Львовна. И Дельцовы тут ни при чём. Какая разница, с кем заниматься? Я правда не хочу. Хотя бы этот год...

– Ну и ладно. И посылай их всех к... Андрею Яковлевичу.

Ирина Вениаминовна перевела дух: Анна Львовна её всегда понимала.

– Да, кстати, у меня завтра будет часик свободный. Двое заболели. Сегодня гуляю, и завтра с пяти до полседьмого «окно». Давай своих выпускников.

– Спасибо. Мы обязательно к пяти подойдём! – Ирина Вениаминовна, обрадованная тем, что оба вопроса решились так легко и правильно, резко открыла дверь и чуть не сшибла вахтёршу.

– Ох, Варвара Сергеевна! Простите, бога ради!

– Ладно! Не зашибла! А вот тебя «сам» зовёт, – она кивнула на кабинет директора, – иди. «Сам» был порывист, высок, красив и стар. Его специальностью были духовые инструменты. Говорил он громко, разговаривать любил и умел, особенно с родителями своих учеников.

– Ирина! Что это за выкрутасы с Дельцовой?! Мне только что звонил Андрей Яковлевич...

– Ну, ясно... – Ирина Вениаминовна закатила глаза. – Пошла крутиться карусель. А с Дельцовой ничего, Эдуард Алексеевич! Её девочку будет учить другой педагог – вот и все, как вы сказали, «выкрутасы».

– Ты прямо как младенец. А ремонт в школе? Это тоже другой педагог?

– Вот именно! Другой. И вообще, почему вы на меня кричите? Ремонт? Ремонт – это ваша задача. А я со своими справляюсь.

– Да никто и не спорит, – сбавил тон директор, подошёл и взял Ирину Вениаминовну под руку. – Ты пойми меня. Без расположения Андрея Яковлевича мы так и будем работать в классах с протекающими потолками. Ремонта сколько не было? Знаешь. Ну возьми ты этого ребёнка! У тебя же выпуск есть. Мы все тебя очень просим.

– «Мы»... Не бывать этому! – Ирина Вениаминовна рванулась к выходу и вдруг застыла. – Хотя... – усмехнулась, – хорошо, предположим... Но сначала ответьте мне на один вопрос.

– Иринушка, хоть на два!

– Если в школе, на школьном инструменте, ежедневно будет заниматься ребёнок, вы не будете против?

– Что ещё за интриги? Какой ребёнок?

– Хороший. Музыкальный ребёнок. Но инструмента дома нет и не предвидится в обозримом будущем.

– Ладно, пусть занимается. В учительской всегда пусто. Инструмент, правда, дрова. Но пока живой.

– Тогда я беру вашу блатную Дельцову и беру ещё одну ученицу – Дашу Заяц. Вот так!

Ирина Вениаминовна наконец-то разозлилась и вылетела из директорского кабинета, едва удержавшись, чтобы не хлопнуть дверью.

Пока я, стоя за дверью, слушала, как мама рассказывает о папе, я думала, что вот сейчас она закончит и учительница скажет, что мне можно приходить к ней в школу. Но мама говорила и говорила, а я всё ждала и ждала: вот, вот сейчас!..

Мир отвернулся от меня, когда Ирина Вениаминовна вышла из кухни. Я всё поняла сразу. И то, что она ничего мне не сказала, на самом деле было красноречивее любых слов: меня не пустили!

Когда она ушла, я безоговорочно пошла в кровать, но пролежала большую часть ночи, глядя в потолок. Потом заснула. И мне приснился какой-то кошмар, где у всех людей не было ртов. И у меня не было рта. Я бежала по зелёному лугу, мне хотелось петь, а рта не было. Я закричала, переполошила весь дом, а к утру опять затемпературила.

В последующие дни я шаталась по кустам, по пустырю, тянувшемуся недалеко от нашего дома. По-настоящему мне не хотелось ничего. Единственное активное действие, предпринятое мной, было по-детски нелепо, но терапевтически необходимо: я в щепки изломала свою волшебную палочку. После чего не то что успокоилась – замерла.

...В тот вечер мама вышла на минутку к соседке. Папа спал. Аня с Викой сидели на скамейке во дворе. Когда раздались два коротких звонка, я нехотя сползла со своего кресла и пошла открывать. На пороге...

Когда в глазах прояснилось, я, к своему удивлению, обнаружила, что лежу на диване, а надо мной склонились сразу и растерянная, озабоченная мама, и учительница Ирина Вениаминовна.

– Дашенька, ты как? – спросила мама.

– Хорошо. – Собственный голос показался мне далёким-далёким и совершенно чужим.

Ирина Вениаминовна взяла меня за руку и спросила, почему-то глядя на маму:

– Ты ещё не передумала учиться в волшебной музыкальной школе?

– Нет, – ответила я.

– Знаешь такую присказку: «Быстро сказка сказывается, да не скоро дело делается»?

– Да, – кивнула я. На большее, чем «да» и «нет», меня не хватало.

– Прекрасно. Так вот, до сих пор была долгая и не всегда радостная сказка. Поэтому я и не приходила к тебе. А теперь пора дело делать. Учиться пора.

Мама хотела что-то сказать, но Ирина Вениаминовна опустила мою руку и дотронулась до маминой:

– Подождите, Анастасия Семёновна. Мы с вами отдельно поговорим. Наедине.

Потом она поглядела на меня.

– А знаешь ещё такую поговорку: «Утро вечера мудренее»?

– Знаю. Это если что-то важное делать, то сначала нужно поспать.

– Правильно. По-твоему, учиться музыке – это важное дело?

– Важное.

– Тогда закрывай глаза и спи. А мы с твоей мамой обо всём договоримся.

Учительница развернулась и потянула за собой маму. Я прилежно закрыла глаза. Мир снова становился волшебным.

* * *

– Я не понимаю, что происходит, – растерянно развела руками Настасья, когда женщины уединились на кухне.

– Сейчас объясню. Присядем?

– Да-да, конечно, – засуетилась Настасья.

Не сводя глаз с Ирины Вениаминовны, она выдвинула табуретку гостье, потом ногой – себе.

Молчали долго. Ирина Вениаминовна не знала, как сообщить о принятом решении так, чтобы не обидеть, мучительно подбирала нужные слова, но потом оставила эту затею и сказала просто, по-деловому:

– Я договорилась о Дашиных занятиях с директором школы Эдуардом Алексеевичем. Ваша девочка сможет ежедневно заниматься на школьном инструменте. Свой вам покупать не придётся.

Настасья подалась вперёд, хотела что-то сказать, но Ирина Вениаминовна, опередив её намерение, положила свою мягкую полную руку на руку женщины.

– Подождите немного. Я не всё сказала. Бывают исключения из любых правил. Этот случай именно такой. Если вы не возражаете, мы с вами соберём необходимые справки, чтобы Даша попала в программу по обучению талантливых детей. Это бесплатно.

Ирина Вениаминовна почувствовала, как дрогнула Настасьиная рука.

– Не гарантирую, что получится. Но попробовать стоит. Посмотрите на ребёнка. У неё глаза перестали светиться. Она болеть начнёт...

– Да начала уже, – махнула свободной рукой Настасья. – Чуть понервничает – и температура.

– Видите! Чего ещё ждать? Главное было – найти инструмент. Его нашли. И дома девчушка шуметь не будет.

Всё уже было сказано, а Настасья продолжала сидеть, заморожено глядя на стену позади Ирины Вениаминовны.

В каком-то порыве Ирина Вениаминовна вскочила, шагнула к женщине и опустила руки на её напряженные плечи.

– Решайте, Настенька! Нечего тут стесняться. Вырастим мы вашу Дашку. Все вместе и вырастим. Вы в основном, а школа и государство помогут. Грех отказываться!

Жёсткие плечи опали.

– Ну вот и договорились! Вот и ладно! Теперь эмоции оставим до лучших времён и перейдём к делу. Вы готовы слушать?

Настасья кивнула.

– Тогда запоминайте. Даше необходимо сдать вступительный экзамен приёмной комиссии. Моё прослушивание, конечно, будет учтено, но для поступления этого недостаточно. Экзамен она сдаст. Ей в общем-то и консультации не нужны. Разве только чтобы не растеряться. Это – на ваше усмотрение. Будет желание – приходите. Расписание консультаций уже вывешено в школе на доске. Я его, к сожалению, ещё не переписала. Сами экзамены назначены на первое июня. На десять часов. Так... Ах да! У вас найдётся чистый лист? Необходимо написать заявление на имя директора.

– Найдётся.

– Несите.

Ирина Вениаминовна недоумевала: прилично отыграли обе выпускницы, вымучила свой куцый балл Аня Емцова, неожиданно разыгрался Женя Жбанов. Прошла первая консультация, за ней вторая, а Даши всё не было. Достаточно узнав девочку, Ирина Вениаминовна с трудом удерживала себя от очередного визита в её дом. Пришла Даша лишь за три дня до экзаменов, с широкой улыбкой, румяная, с толстенной повязкой на голове.

Ирина Вениаминовна ахнула:

– Дашуха! Что случилось?

– Это у меня этот, как его? Отит какой-то! Уши болят! – довольно пояснила девочка. – Они стреляют, как из пистолета. Мы даже к врачу ходили. Меня сначала хотели в больницу положить, но я заплакала, и мама сказала, что сама меня вылечит. Я потом всё время дома в кровати лежала и таблеточки беленькие пила. А сегодня пришла врач и сказала, что можно немного гулять. Только ватку снимать нельзя. Мама сказала, что это мой шлем, а я – космонавт!

– Как же ты, космонавт, экзамены будешь сдавать?

Даша смешно, как-то по-мультикшному пожала плечами.

– Ну да ладно, что-нибудь придумаем.

– А меня на полчаса отпустили, чтобы я к вам сбегала, узнала, когда нам на экзамены прийти. И сейчас же домой!

– Я маме уже говорила – первого июня, в десять. Сроки не перенесли. Это суббота. Я думаю, вы сможете прийти вместе. Будет не очень долго. Если мама занята, приходи одна. Ты всё запомнила?

– Угу. Она придёт! Хотя я уже большая! Мне целых семь лет!

– Целых семь?

– Ага! Я уже как старушка!

– Ну, до старушки тебе ещё далековато. А вот в школу – в самый раз! Хорошо, что пришла, а то я волноваться начала: где там наша Даша? Теперь беги домой, хорошенько лечи уши. Они для музыканта почти самое главное.

– А что ещё главнее? – удивилась Даша, искренне полагая, что музыканты играют пальцами, но никак не ушами.

– А главнее всего голова. И сердце. Представляешь? Ты, наверное, думала, что музыку делают руки?

Даша кивнула.

– Они тоже не на последнем месте. Но настоящая музыка делается не только руками. Вот как!

Это было открытием. Правда, как голова может делать музыку, Даша не поняла, но раз Ирина Вениаминовна сказала, значит, так оно и есть.

Даша вела маму за руку. Именно так. Не наоборот. И беспрерывно болтала, показывала и рассказывала:

– Это школа, это добрая бабушка Варвара Сергеевна. Она всегда спит. Это комната, где есть самый большой рояль с крышкой, похожей на крылышко, а это комната учительницы Ирины Вениаминовны.

Даша схватилась за дверную ручку.

– Доченька, положено стучаться...

Какое там! Она распахнула дверь рывком и замерла на пороге: учительница была не одна. Около стола сидела красивая, как королева, тётя. Красивее мамы. Даша засомневалась, обернулась к Настасье. Да, красивее. У мамы нет такого костюма с блёсточками и таких волос. Белые, поднятые вверх, они напоминали... сладкую вату, которую в праздники продают на бульваре. Но когда тётя мельком зацепила взглядом вновь прибывших, Даша тут же поняла, что ошиблась. Её мама в чёрной юбке и простой голубой блузке была всё же красивее этой королевы. Потому что королева, скорее всего, приходилась какой-нибудь сестрой Снежной королеве, про которую недавно Аня читала Даше книжку.

Тётя, больше не обращая внимания на пришедших, поправила бант, порхающий над головой такой же беленькой, как она сама, девочки, почему-то поморщилась и продолжила фразу, прерванную появлением Даши и Настасьи:

– Так вот, Ирина Вениаминовна. Я убеждена, что девочек нужно одевать безупречно! Это приучает их чувствовать себя настоящими леди. Безо всяких отговорок. Если ты настоящая мать, твоя дочь обязана выглядеть достойно. Если это колготы, они не должны висеть гармошкой. Иначе создаётся впечатление нечистоплотности, грязи и какой-то нищеты.

Даша опустила глаза. Её колготки, лучшие, те, в которых самая рослая из сестёр, Аня, когда была маленькая, ходила на утренники в детский садик, спускались на сандалики именно такой гармошкой, про которую говорила тётя. Только Даша была с ней не согласна, потому что как раз сегодня мама сняла их с верёвки, на которой они сохли, выстиранные прошлым вечером. Тётя, конечно, знать этого не могла. Чтобы разрешить недоразумение, Даша сначала тихонько, а потом погромче – вдруг её не услышат – сказала:

– Нет! Они не грязные. Их мама выстирала только вчера.

– Дашка! – Настасья ахнула и прижала дочь к себе, инстинктивно ставя барьер между ней и этой незнакомой красавицей, хотя и понимала, что не их появление вызвало подобные заключения.

Но Ирина Вениаминовна уже шагнула к пришедшим, крепко сжала Дашину руку, ввела девочку в класс и обратилась к Настасье:

– Доброе утро, Анастасия Семёновна. Дашунчик, здравствуй! Как твои уши?

– Хорошо! Уже почти не пулемётят.

– Замечательно. Лида, Даша, знакомьтесь! Если экзамены пройдут успешно, вы будете заниматься вместе в первом классе.

– Вместе? – Лицо Веры Филипповны неприятно вытянулось.

– Ну, не совсем вместе. Вы меня не так поняли, – поправились Ирина Вениаминовна. – Конечно же уроки у них будут у каждой свои. Обычные сорок пять минут. Я имела в виду, что очень хорошо, если в класс приходит не один первоклассник, а хотя бы двое. Девочки смогут вместе ходить на групповые занятия, выручать друг друга. Подружатся. Им вдвоём будет легче усвоить требования музыкальной школы. К тому же мы сможем попробовать игру в ансамбле. Естественно, когда у них появятся навыки сольной игры.

– Ах так! Это интересно, – наконец улыбнулась Вера Филипповна и обратилась к дочери: – Лидия, познакомься с девочкой.

Вот теперь Даша смогла её рассмотреть! До сих пор девочку прикрывала мать. Из-за неё выглядывала лишь голова с бантом и целая гора тонкого полупрозрачного розового шёлка. Теперь эта гора рухнула на пол, прямо на серебряные туфельки и тоненькие, белые, безо всякой гармошки колготки. Даша неслышно ахнула. Если Вера Филипповна была королевой, то Лидочка, несомненно, принцессой. Словно замороженная, Даша подошла и потрогала струящийся шёлк.

– Ух ты!

– Это бальное платье. Оно очень дорогое, – сообщила несколько не смутившаяся Лидочка. И дружелюбно уточнила: – Тебя Дашей зовут?

Даша кивнула.

– Ты тоже будешь на пианино играть, как и я?

Даша кивнула снова. На нормальные слова её пока не хватало. Во-первых, опять заболело ухо, а во-вторых, в отличие от Лиды, она стеснялась.

– А я скоро буду выступать на сцене. Чтобы мне все хлопали. А ты?

Даша задумалась. Наверное, это интересно, когда тебе все хлопают. Только страшновато. Она утвердительно кивнула.

– Мама! – закричала Лидочка. – Даша тоже будет звездой!

Ирина Вениаминовна поняла, что пора вмешаться. Она указала на свой стул всё ещё стоявшей у входа Настасье и опустила руки на плечи девчонок.

– Для начала, чтобы стать звездой и выступать на сцене, тем более чтобы вам хлопали, необходимо очень долго и много трудиться. Музыка совсем не любит бездельников. Из лентяя до сих пор, насколько мне известно, не получился ни один хороший исполнитель. Понятно?

– Да! Понятно! – хором согласились девчонки, пока ещё даже приблизительно не представляя, о каком таком труде идёт речь. Для Даши музыка была волшебством, а Лида – ребёнок, выросший на телепрограммах, – в своём детском воображении не продвинулась дальше стандартного музыкального шоу.

Ирина Вениаминовна, хорошо зная цену их лёгкому согласию, сощурилась и сказала с некоторой ехидцей:

– Но вообще-то кое-кому нужно ещё и экзамены сдать!

– Я сдам. Лучше всех! – тут же похвалилась Лида.

– Если это произойдёт, мы все будем очень довольны. А ты, Даша?

– Я тоже буду довольна.

– Я спрашиваю, как ты собираешься сдать экзамены?

– Не знаю. У меня ухо болит.

– Ну вот, опять! Как понервничает, так снова... – Настасья привлекла дочку к себе, усадила её на колени. – Сильно болит?

Ухо болело сильно, но Даша испугалась, что мама или учительница передумают и отправят её домой. Навсегда. Поэтому она часто-часто замигала – трясти головой было никак невозможно – и вполне уверенно солгала:

– Уже почти прошло. И даже не стреляет совсем.

– Дашуню мы пропустим первой, – засуетилась Ирина Вениаминовна, прекрасно уловившая истинный смысл этого наивного уточнения про «не стреляет». – Вы посидите пока здесь, а я пойду узнаю... Собственно, уже должны начать. – И она поспешно вышла.

Даша поудобнее устроилась на материнских коленях, прижала голову к её груди. Так ухо болело чуть меньше. Настасья погладила её по повязке, шепнула:

– Потерпи немножечко, Дашок, сейчас тебя позовут, сделаешь там, что скажут, и – домой!

Девочка прикрыла глаза. Несмотря на ухо, ей было так хорошо! И мама, почти всегда занятая, была рядом, и, главное, скоро-скоро её примут в школу и научат играть на рояле.

Вера Филипповна, в который уже раз поправив Лидочкин бант, демонстративно подняла руку, длинным расписным ногтем отогнула рукав и глянула на большие стильные часы.

– Пора бы начинать. Мы тут уже полчаса толчёмся.

– Наверное, сейчас уже и позовут, – поддержала разговор Настасья.

– Ваша дочь сама захотела играть или пришлось заставлять?

– Заставлять?.. – Настасья замаялась, не зная, как лучше ответить. Выворачиваться наизнанку перед величественной Верой Филипповной не хотелось, но и отмалчиваться было неловко. Поэтому ответила она достаточно отстранённо, не упоминая ни одну из девочек: – Разве их через силу заставишь заниматься? Тем более... музыкой... Я думаю...

– Ещё как! – оборвала её Вера Филипповна. – Они же ещё маленькие. Жизни не знают. Им бы всё компьютеры да телевизоры. А талант? Его отслеживать необходимо.

– Зачем? – вырвалось у Настасьи. Напор и безапелляционность собеседницы её смутили и заставили отстаивать своё мнение. – Разве возможно заставить ребёнка учиться музыке, если он совершенно этого не желает? Это же никому в радость не будет: ни ему, ни родителям. Семилетняя семейная война. Ради чего? Я думаю, должно быть хотя бы какое-то желание!

Вера Филипповна хмыкнула:

– Не просто возможно, а нужно заставлять! Да, да! Если упирается – убедить, подарить что-нибудь, обмануть, наконец. – Она помолчала и добавила совершенно другим тоном: – Может, кому-то музыка и не обязательна... – Женщина глянула на притихшую Дашу. – Но как же быть с теми, кому от Бога дано, а ума ещё не хватает талантом своим распорядиться? Вот взять, к примеру, мою Лидочку. Другие ещё агукали, а она в полтора года предложениями сыпала. Так у нас все соседи обзавидовались. Даже врачи удивлялись: какой смышлённый ребёнок! А поёт как! Все песни, что по «ящику» крутят, знает. Сериал по первой программе смóтрите?

– Собственно...

– Поёт! Лидочка, умница, спой!

– Ну мам!

– Ладно уж. И правда, голос сейчас поберечь нужно. Тебе же на экзамене петь. Хотя, я уверена, есть дети, которым этот экзамен совершенно и не нужен. Если между нами, какой смысл прослушивать мою Лидию? И так ясно, кто есть кто!

Настасья подыскивала приемлемый ответ, который позволил бы перевести ставший не особо тактичным разговор в иное, более подходящее к данной ситуации русло, когда распахнулась дверь, и торжественная, весёлая Ирина Вениаминовна подошла к Даше, тут же спрыгнувшей с маминых колен, и взяла её за руку.

– Пойдём, юная волшебница, сдавать экзамен. Бояться не надо. Тебя будут слушать очень добрые люди. – И добавила для обеих мамочек: – Кстати, председатель комиссии – Королёва Анна Львовна, удивительнейшая пианистка и педагог, да к тому же и завуч нашей школы.

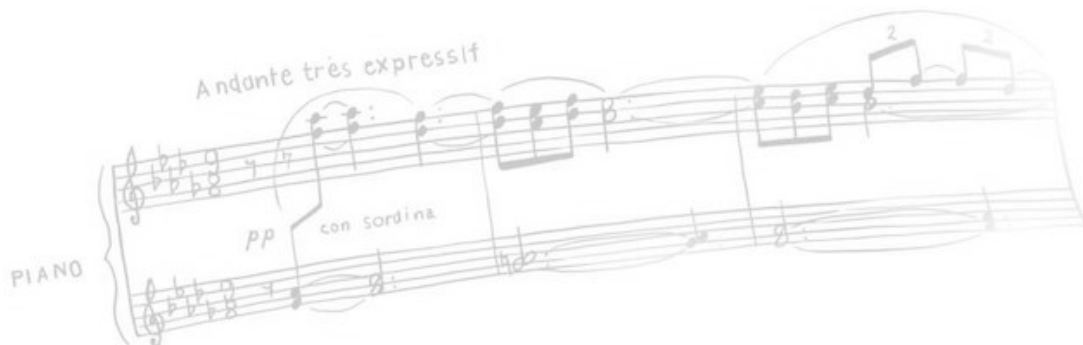
– А Лидочка? – Вера Филипповна привстала. – Мы уже здесь почти час тор... сидим.

– Конечно, конечно! Девочка устала, – успокаивающим голосом ответила Ирина Вениаминовна, – но там, в коридоре, тоже стоят дети. Некоторые пришли заранее, так же, как и вы.

Поэтому, чтобы не было обид, составлен график в алфавитном порядке. Вы – в числе первых. Исключение сделано лишь для Даши ввиду её болезни. Я надеюсь, вы не возражаете?

– Ну-у...

– Вот и замечательно! Отдыхайте пока, я за Лидочкой приду. Идём, Даша!

Экзамен запомнился отрывками. Помню, что Ирина Вениаминовна была красная и какая-то взъерошенная. Она ввела меня в знакомый зал и села в первом ряду. Другая тётенька провела меня на сцену, к моему знакомому роялю. Я почти не боялась, потому что знала, что Крылатый на моей стороне. Когда сопровождающая тётя отвернулась, а экзамен ещё не начался, я шепнула ему: «Здравствуй!» Возможно, он что-то и ответил так же тихо, только я уже смотрела на комиссию.

В зале находилось несколько человек, но, без сомнения, главной была худая строгая женщина, сидящая за огромным чёрным столом.

Ирина Вениаминовна тоже посмотрела на комиссию и сказала, что в случае удовлетворительной сдачи экзаменов она хочет, чтобы я была зачислена в её класс. Главная тётя жестом остановила Ирину Вениаминовну и добавила низким, немного хриловатым голосом:

– Мы в курсе.

После этого все посмотрели на меня.

* * *

– Девочка, как тебя зовут? Назови свои имя и фамилию.

– Даша. Заяц, – представилась Даша и непроизвольно схватилась за голову: от волнения кровообращение усилилось, и ухо тут же заболело сильнее.

Анна Львовна, мгновенно оценив состояние ребёнка, предложила:

– Давайте по укороченной программе. Пусть споёт и, пожалуй, посмотрим ритм. Ирина Вениаминовна девочку предварительно слушала и осталась очень довольна.

Даша похлопала в ладоши, стараясь в точности повторить за тётей её хлопки, потом спела песню, которую уже пела Ирине Вениаминовне и которую иногда напевала мама, когда что-нибудь делала в комнате или готовила на кухне. Песня была грустной и красивой. Она очень нравилась Даше: «Две вечных подруги – любовь и разлука – не ходят одна без другой». Когда она взяла первые ноты, главная тётя улыбнулась и что-то шепнула своей соседке, но Даша не расслышала и допела до конца. После этого Анна Львовна заулыбалась открыто, доброжелательно и сказала, обращаясь к Ирине Вениаминовне:

– Во как! Любовь и разлука. Наш кадр. Слух, ритм в наличии. Если ручки такие же, тогда поздравляю. Можешь мамочке сказать, что принята. Только тихонько, чтобы других не всполошить.

Королёва глянула на Дашу.

– Иди сюда, малышка! Покажи мне свои пальчики.

Даша соскочила со сцены, прошла между рядами пустых кресел и вытянула руки запястьями вверх перед главной тётёй.

– Хорошая рука. – В голосе Анны Львовны слышалось удовлетворение. – А правую лапку что сжала?

Она мягко взяла холодные и потные от волнения Дашины руки своими, горячими, сильными, и развернула ладонями вверх.

– А это ещё что? Ирина Вениаминовна, иди сюда!

Через правую ладонь, от мизинца к большому пальцу, проходил грубый розовый шрам, не дававший ладони раскрыться.

Ирина Вениаминовна ахнула. Очарованная девчужкой, она совершенно забыла осмотреть её руки. Да и кто мог предположить такое?

– Дашенька, что с твоей рукой?

– Я, когда была маленькая, дёрнула провод с током. А он стал меня трясти. Вика увидела меня и спасла. Но ток всё равно уже ударил.

– А к врачу вы ходили?

– Ходили. Мне там руку хорошо полечили, чтобы не болела. Она, правда, уже совсем не болит, – завершила Даша.

Педагоги переглянулись.

– Иринушка, – Анна Львовна отпустила Дашину руку, – ты же понимаешь, что возможности ребёнка ограничены. Побеседуй с мамой. Это может быть скрипка. Левая рука у девочки в порядке. И слух отменный. Нам скрипачи только спасибо скажут. Но фортепьяно... Не знаю. Сама она кисть не раскроет. Ты ж понимаешь?..

Ирина Вениаминовна покраснела.

– Анна Львовна, не все становятся профессионалами. Позвольте нам начать занятия. А там видно будет. Я согласна заниматься с этим ребёнком, понимаете?

– Ну, уговорила. Иди, обрадуй мать. И давай сюда эту, как её? Дельцову.

– Дельцова пойдёт в порядке очереди. – В голосе Ирины Вениаминовны послышался металл.

– Ух, как она тебя зацепила! Как знаешь. Идите.

Настасья стояла у самой двери. Когда показалась Даша с учительницей, она нагнулась, поцеловала дочку и взволнованно спросила:

– Ну как?

– Всё очень хорошо. Собственно, ничего другого мы и не ожидали. Но мне необходимо вам задать один вопрос. Класс занят. Отойдём к окну.

Они протиснулись сквозь толпу ожидавших своей очереди детей и родителей и остановились около окна с широким бетонным подоконником, заставленным множеством горшков с геранями, папоротником и молоденьким аспарагусом.

– Анастасия Семёновна, Дашу зачислили. Я прошу пока об этом нигде не упоминать. До вывешивания списков. Это первое. Второе. Я консультировалась у нашей администрации. Вопрос об оплате за обучение должен решиться положительно. И третье. Что произошло с её правой рукой? Это, действительно, последствия от удара током? И что говорят хирурги?

– Доктор, который наблюдал Дашу после травмы, предупреждал, что ладонь может частично потерять подвижность и её придётся оперировать. Но операция непростая. Мышцы. Сложная моторика. Мы подумали: пальцы шевелятся, чувствительность не потеряна, зачем же лишний раз травмировать ребёнка?! Кто тогда знал, что она захочет на фортепьяно играть?

Ну и... – Настасья опустила голову. – И деньги все на Нестора ушли. Выбирать пришлось. Не до Дашухиной руки было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.